

АЛЫЙ – ЦВЕТ ЖЕРТВЫ

ХАННА УИТТЕН

ДОЧЬ

для

ВОЛКА

«Блестящий
дебют в темном
фэнтези».
ДЖОДИ ПИКОЛТ

Ханна Уиттен

Дочь для волка

Серия «Диколесье», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67188843
Дочь для волка / Ханна Уиттен: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-165502-0*

Аннотация

Рэд – единственная Вторая Дочь, которая родилась в королевской семье Валлейды за целый век. И у нее только одно предназначение – быть принесенной в жертву Волку. Монстру, что живет в Диколесье и когда-то пленил пятерых богов этого мира.

Для самой Рэд такой исход – почти избавление. Ведь внутри нее живет опасная сила, которую невозможно контролировать. Быть может, в Диколесье девушка не сможет вновь причинить зло тем, кого любит.

Но легенды лгут. Волк – не монстр, а человек. Магия Рэд – ее призвание, а не проклятие. И если девушка не узнает, как ее использовать, истинные монстры поглотят Диколесье... а с ним и весь мир.

Сказочный ретеллинг для поклонников Мариссы Мейер, Кристины Генри и Наоми Новик! История Красной Шапочки, какой вы её ещё не видели + мрачная версия «Красавицы

и Чудовища». Книга стала бестселлером New York Times немедленно после выхода. Невероятная атмосфера, яркая любовная линия, запоминающиеся персонажи – всё, что мы любим в сказках.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	29
Глава третья	45
Глава четвертая	62
Глава пятая	71
Глава шестая	87
Интерлюдия I	98
Глава седьмая	111
Глава восьмая	121
Интерлюдия II	141
Глава девятая	160
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Ханна Уиттен

Дочь для волка

Уиттен дебютирует с блестящим мрачным переосмыслением «Красной Шапочки»... Умная захватывающая проза с легким оттенком хоррора, которая обязательно вас очарует.

PUBLISHERS WEEKLY

Если вы когда-нибудь мечтали, чтобы в «Красавице и Чудовище» было больше жутких лесных монстров и политических интриг, эта книга для вас.

АЛИКС ХАРРОУ («ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДВЕРЕЙ»)

Книга, которая понравится всем фанатам интриг, фольклора и историй о вечной любви. Волнующее темное фэнтези с невообразимой атмосферой, в сюжет которого вплетены известные сказки. Остановиться будет невозможно, потому что лес уже пустил свои корни...

ЮЛИЯ @LIBRO_PREFERITO

Посвящается тем, кто загонял свой гнев слишком глубоко; тем, острым как лезвие ножа, кто чувствовал себя не вправе коснуться чего-то мягкого; тем, кто устал держать на плечах миры.

...олений промельк Ты в томленьи,

а я – тот лес, где только мрак¹.

Дабы выйти из-под власти Королей, они сбежали в дальние пределы Диколесья. В обмен на убежище предложили они все, чем владеют, и все, чем будут владеть их потомки до тех пор, пока род их не пресечется. Позволили они лесу процвести в их костях и предложили ему свою помощь во всем. И поклялись они в этом на крови, отданной по доброй воле, и эта жертва связала их с лесом.

Диколесье приняло условия Сделки, и они остались за границей его, чтобы охранять его и стойко оборонять от тварей, что связаны были под ним.

И каждая Вторая Дочь и каждый Волк, что придут в этот мир, должны исполнить Сделку, ответить на зов и принять Знак.

Под древом они дали клятву, и на коре проступили слова ее. Я сберегла этот обломок коры. Вот эти слова:

Первая Дочь – для трона.

Вторая Дочь – для Волка.

А Волки – для Диколесья.

Тернан Нирейя из дом Андралин,

Первая Дочь Валлейды,

год первый от заключения Сделки

¹ Райнер Мария Рильке. Часослов. Пер. А. Прокопьева.

Глава первая

За две ночи до того, как ее должны были отправить к Волку, Рэд надела платье цвета крови. Когда Нив наклонилась поправить шлейф своей сестры-двойняшки, оно бросило на ее лицо багровый отсвет.

– Прекрасно выглядишь, сестра, – неуверенно, с жалкой улыбкой на лице сказала Нив.

Рэд постоянно прикусывала губы, почти грызла; и когда она попыталась улыбнуться в ответ, губа лопнула. Рот заполнил резкий привкус меди. Нив этого не заметила. Она, как и все этим вечером, оделась в белое, а черные волосы перехватила серебряной лентой, указывающей на ее положение Первой Дочери. Пока Нив помогала сестре с платьем, на ее лице успели промелькнуть страх, гнев и глубокая печаль. Рэд с легкостью читала каждое чувство двойняшки. Нив всегда – наверное, еще со времен, когда они делили материнскую утробу, – была для нее открытой книгой.

Наконец Нив остановилась на неопределенно-любезном выражении, не выдающем никаких чувств. Она подняла с пола полупустую бутылку красного вина и протянула сестре.

– Можно и допить ее уже.

Рэд сделала несколько глотков прямо из горлышка. Вытерла рот тыльной стороной ладони. На коже осталось алое пятно.

– Ну как, хорошее? – спросила Нив, забрала бутылку и нервно покатила ее между ладоней. – Медусийское. Подарок Храму от отца Раффи – маленький довесок к плате за молебен о хорошей погоде и удаче для моряков. Раффи стащил ее, потому что, как он говорит, морю и стандартного размера оплаты за молебен должно хватить.

Нив сухо и нервно хохотнула:

– Он сказал, что если что-то и поможет тебе пережить сегодняшней вечер, так только вино.

Рэд рухнула в одно из кресел у окна, подперев голову кулаком и даже не потрудившись расправить юбку.

– Во всем мире столько вина нет.

Маска фальшивой бодрости сползла с лица Нив. Она молча села рядом с сестрой.

– Ты все еще можешь сбежать, – прошептала она, не отрывая взгляда от пустой бутылки и едва двигая губами. – Мы с Раффи тебя прикроем. Вечером, пока все...

– Я не могу, – грубо перебила ее Рэд, хлопнув ладонями по подлокотникам.

Они уже обсуждали это тысячу раз, и она уже истратила всю свою вежливость и сдержанность в этих обсуждениях.

– Конечно можешь! – Нив стиснула бутылку. – У тебя пока даже Знака нет. А день рождения у тебя только послезавтра.

Рэд поправила алый рукав, скрывая ничем не нарушенную белизну кожи. Каждый день с тех пор, как ей исполнилось девятнадцать, она искала на себе Знак. У Кальденоры

он появился сразу после ее девятнадцатого дня рождения, у Сайеты – полгода спустя, у Мерры – всего за несколько дней до того, как ей исполнилось двадцать. У Рэд еще не было Знака. Но она все равно была Второй Дочерью – связанной с Диколесьем, с Волком, с условиями древней Сделки. Есть у нее Знак или нет, а через два дня ее не станет.

– Это из-за тех сказок о чудовищах? Рэд, перестань! Что бы там ни говорил Закон – это все сказки, чтобы пугать детишек! – умоляющие нотки в голове Нив таяли, сменяясь гневом. – Чушь собачья! Этих чудовищ уже два века никто не видел! Ни одно не вышло из леса перед тем, как туда отправили Сайету, да и Мерру тоже!

– Но до того, как Кальденора отправилась в лес, они тут почти что все заполонили, – без особого запала в голосе, но и не холодно ответила Рэд. Она произнесла это ровным, ничего не выражающим голосом. Она так устала от этого спора.

– Да-да, двести проклятых лет назад волна чудовищ хлынула из Диколесья на северные земли, и они наводили там ужас десять лет, пока Кальденора не отправилась в лес – и сразу после этого они исчезли. Чудовища, о которых не осталось упоминаний в летописях, чудовища, которые могли принимать любое обличье – то, которое больше понравится сказочнику, который и плетет эти небылицы!

Если голос Рэд был тихим, как осень, то у Нив – свирепым, как зима, таким же холодным и пронизывающим.

– Но даже если они были на самом деле, Рэд, с тех пор их

никто не видел. Никто и носа не высунул из леса, никто не явился забрать ни одну из Вторых Дочерей. И за тобой тоже никакой Волк не придет.

Нив помедлила, подбирая слова, чтобы коснуться темы, которой они обе всегда избегали.

– Если бы в лесу водились чудовища, мы бы их увидели, когда...

– Нив! – Рэд не шелохнулась, продолжая рассматривать на своей ладони пятно вина, так похожее на след крови, но имя сестры в ее устах прозвучало пронзительно.

Впрочем, та отмахнулась от звучащей в этом голосе мольбы.

– Как только ты придешь к нему, все будет кончено. Он не позволит тебе вернуться. Ты останешься в лесу навсегда, не так... не так, как в прошлый раз.

– Я не хочу об этом говорить, – отрезала Рэд.

Она хотела произнести и это нейтральным, ровным голосом, но не смогла, получилось хрипло и отчаянно.

– Нив, пожалуйста.

На мгновение она подумала, что близняшка опять пропустит ее слова мимо ушей, попытается вывести беседу за те безопасные рамки, в которых Рэд пыталась ее удержать. Но вместо этого сестра вздохнула, и глаза ее заблестели так же ярко, как серебро в волосах.

– Ты хотя бы могла притвориться, – прошептала она, отвернувшись к окну, – что тебе не все равно.

– Мне не все равно. – Рэд стиснула кулаки. – Но это ничего не меняет.

Она уже свое откричала, отплакала и отбунтовала. Все, чего Нив добивалась от нее сейчас, она пережила еще до того, как ей исполнилось шестнадцать. Четыре года назад, когда все изменилась и она поняла, что предназначена Диколесью.

И это чувство снова нарастало в ее груди. Нечто распухало, пробиваясь сквозь ее кости, росло.

На подоконнике зеленел папоротник, такой неуместный на фоне черного, покрытого изморозью окна. Листья вздрогнули и потянулись к плечу Рэд – слишком целенаправленно для того, чтобы сквозняк мог быть тому причиной. Забравшись под рукав, побег папоротника прижался к коже, и вены проступили на ней, как прожилки на листьях. Рэд ощутила во рту кислый вкус земли.

Нет. Она сжала руки так, что у нее костяшки побелели. Постепенно странное чувство истаяло, а побег папоротника вернулся на прежнее место. Кислый привкус тоже исчез, но девушка все равно схватила бутылку и допила из нее последние капли.

– Дело не только в чудовищах, – сказала она, когда бутылка опустела. – Ведь одного моего присутствия будет достаточно, чтобы Волк отпустил Королей.

Алкоголь придал ей храбрости, и она даже не пыталась скрыть насмешку. Если какая-то жертва и удовлетворит Вол-

ка настолько, чтобы тот отпустил Пятерых Королей, – где бы он ни заточил их, – то это точно будет не она, Рэд.

И не то чтобы она вообще во все это верила.

– Короли не вернутся, – сказала Нив. Они обе не верили в это. – Орден отправил трех Вторых Дочерей к Волку, но Короли не вернулись. Волк не отпустит их и теперь.

Она вцепилась в подол своего белого платья и уставилась в окно, словно бы могла проделать в нем взглядом дыру.

– Я не думаю, что Короли вообще могут вернуться.

Рэд тоже так считала. Судя по всему, их боги умерли. Ее решимость пройти этим путем, отдаться лесу, не имела ничего общего ни с верой в Королей, ни в чудовищ, ни с чем другим, что из этого могло следовать.

– Это не важно.

Они столько раз повторяли друг другу эти доводы, что выучили их наизусть.

Рэд сплетала и расплетала пальцы – сосуды на них теперь были нормального голубого цвета, – мысленно подсчитывая витки этого бесконечного разговора.

– Нив, я иду в Диколесье. Все уже решено. Просто... пусть это произойдет.

Нив решительно шагнула к ней, губы ее сложились в тонкую линию. Шелк зашуршал по мраморному полу. Рэд опустила голову так, чтобы пряди цвета меда скрыли лицо.

– Сестра, – мягко, словно разговаривая с напуганным животным, сказала Нив, и Рэд поморщилась. – В тот день я хо-

тела пойти с тобой в Диколесье. Ты не виновата, что...

Дверь со скрипом открылась. Впервые за очень долгое время Рэд была очень рада визиту матери.

Нив шло сочетание белого и серебряного, но королева Айла в нем выглядела холодной, как разводы изморози на окне. Единственное, что дочери от нее унаследовали, это темные брови и еще более темные глаза. Королева пришла без свиты и сама закрыла за собой тяжелую дверь.

– Нивира, – кивнула она старшей дочери, после чего обратила непроницаемый взгляд темных глаз на младшую. – Рэдарис.

Сестры не ответили на приветствие. На одно очень долгое мгновение в комнате повисла тишина.

– Гости прибывают, – обернулась Айла к Нив. – Будь добра, пойди встретить их.

Нив стиснула пальцы в кулак, вцепилась в подол своей юбки. Смерила Айлу яростным взглядом из-под нахмуренных бровей. Но это была бессмысленная борьба, и все трое это знали. Девушка направилась к выходу, на ходу глянув на Рэд через плечо. «Будь похрабрей!» – читалось в этом взгляде.

Увы, храбрость была последним, что Рэд ощущала в присутствии матери.

Айла смерила ее оценивающим взглядом – Рэд при ее появлении не поднялась из кресла, хотя должна была бы. Аккуратно уложенные локоны уже развились и рассыпались, платье помялось. Айла на мгновение задержала взгляд на пятне

от вина на ладони дочери, но говорить ничего не стала.

В конце концов, это был не столько бал, сколько свидетельство грядущего жертвоприношения; важное событие для всех важных персон на материке, которые приехали увидеть женщину, предназначенную Волку. Может быть, полудикий вид в таком случае вполне уместен.

– Тебе идет этот оттенок. – Королева кивнула на ее юбку. – Красное для прекрасной Рэдарис.

Эта безобидная на первый взгляд игра слов заставила Рэд до боли стиснуть зубы. Так любила говорить Нив, когда они были маленькими. До того, как они осознали, что за этим стоит. Но к тому времени все уже звали ее Рэд, и она в любом случае не хотела бы это менять. Это звучало жестко, и сразу становилось ясно, кто она и для чего предназначена.

– Меня так с детства не называли, – заметила девушка. Мать поджала губы.

Упоминание о детстве Рэд – что она когда-то была ребенком, ее, Айлы, ребенком, которого она собиралась отдать лесу, – всегда несколько обескураживало королеву.

– Алый для агнца, в жертву приносимого. – Рэд указала на юбку.

Повисла неловкая пауза. Затем Айла кашлянула, прочищая горло.

– Флорианская делегация прибыла сегодня днем, и эмиссары от Карсеки тоже. Медусийский канцлер прислал свои извинения и нескольких членов их Совета. Жрицы Закона

прибывали весь день со всего континента. Они по очереди возносят молитвы в Святилище, – перечисляла королева монотонным речитативом. – Три герцога Альперы со своими приближенными должны прибыть до того, как процессия...

– Это хорошо, – заметила Рэд, не поднимая взгляда от своих рук, белых и неподвижных, словно она уже была мертва. – Они бы не захотели ее пропустить.

У Айлы дрогнули пальцы, но ее голос, хотя и напряженный, оставался по-королевски величественным.

– Верховная жрица полна надежд, – сказала она, глядя куда угодно, только не на дочь. – Поскольку между тобой и другими был... долгий промежуток, она думает, что Волк может наконец-то вернуть Королей.

– Конечно она так думает. Когда я войду в лес и ничего не произойдет, для нее и всего Ордена это будет очень неудобно.

– Оставь при себе свою ересь, – одернула ее королева, но без особого пыла.

Рэд никогда не удавалось вызвать у матери какие-то чувства. Она пыталась, когда была помладше – делала подарки, собирала для матери букеты. Повзрослев, обрывала шторы и портила обеды пьяными выходками, пытаясь добиться если не любви, то хотя бы гнева. Но королева сносила все – максимум со вздохом либо устало возводила очи горé.

Скорбят только по людям, живым людям. А Рэд никогда не была для своей матери живым человеком, личностью.

Только частью ритуала.

– Так ты думаешь, они вернутся? – напрямую спросила Рэд.

Она бы никогда не осмелилась на такую дерзость, если бы уже не стояла одной ногой в Диколесье. И все равно Рэд не удалось добиться, чтобы голос ее звучал искренне, а не саркастически.

– Думаешь, если как жертва я удовлетворю Волка, он вернет тебе Королей?

Тишина воцарилась в комнате – более холодная, чем стылый воздух снаружи. Рэд не верила в Королей, но хотела услышать ответ, как если бы он мог все объяснить и оправдать. Ее мать. Ее саму.

Мать посмотрела ей прямо в глаза. Невыносимое мгновение все тянулось и тянулось. Оно вместило в себя годы, полные невысказанного. Айла отвела темные глаза и ответила:

– Не понимаю, какое это имеет значение.

И все тут.

Рэд встала, откинула с лица тяжелые спутанные волосы, вытерла руку о юбку.

– Что ж, ваше величество, давно пора продемонстрировать всем гостям жертвенного агнца, подготовленного по всем правилам.

На пути в бальный зал Рэд произвела быстрые подсчеты. Она должна обозначить свое присутствие, — все эти важные персоны прибыли не просто потанцевать и выпить вина. Они хотят видеть ее, всю в алом — доказательство, что Валлейда готова отправить своего священного агнца, Вторую Дочь, на заклание лесу.

Жрицы Ордена по очереди возносили молитвы в Святилище, обращаясь к обломкам — ветвям и прочим частицам священных белых деревьев, предположительно срубленных в самом Диколесье. Для жителей других стран это было паломничество, шанс, который выпадает раз в несколько поколений: не просто помолиться в знаменитом Святилище Валлейды, но увидеть Вторую Дочь, предназначенную Волку.

Может, они и молились, но собирались и поглазеть всласть. На нее, Рэд. Им хотелось увидеть своими глазами, правильный ли выбор сделала Верховная жрица. Достоин ли агнец быть принесенным в жертву. Один-два танца: один, но лучше четыре бокала вина. Рэд должна пробыть там достаточно долго, чтобы каждый мог оценить приносимую жертву по достоинству, а затем можно уйти.

По календарю стояло раннее лето, но в Валлейде всегда было или холодно, или *очень* холодно, в зависимости от сезона. Камин в каждой из четырех стен балного зала бросали

желто-оранжевые блики на водоворот танцующих придворных со всех королевств. Невероятное разнообразие фасонов и стилей, но сегодня все носили только один цвет – призрачно-белый. Когда Рэд вступила в зал, все взгляды устремились к ней, словно к единственной капле крови на снегу.

Она замерла, как кролик перед лисой. На один миг горстка избранных смотрела на уготовленную жертву, а та на них. Рэд стиснула зубы и опустилась в подчеркнуто глубоком реверансе. Мгновенный сбой в ритме танца, и вот уже пары снова заскользили мимо, не достаивая ее взглядом. Мелочь, а приятно.

В углу, рядом с бочонками вина и горшками с розами, она заметила знакомую фигуру. Раффи пригладил коротко стриженные черные волосы. Его пальцы цвета красного дерева ярко выделялись на золотом кубке, который он крепко сжимал второй рукой. Он был один, но это было ненадолго. Сын канцлера Медусии и весьма умелый танцор, Раффи никогда не страдал на балах от недостатка внимания.

Рэд проскользнула ему за спину, взяла кубок из его руки и привычным движением осушила его.

– И тебе привет, – усмехнулся Раффи.

– Там еще много осталось. – Рэд вернула ему кубок, скрестила руки на груди и решительно уставилась на стену – все лучше, чем смотреть на собравшихся тут людей. Их взгляды впивались ей в затылок, как крохотные иглы.

– И не поспоришь. – Раффи снова долил ей вина. – Если

честно, удивлен, что ты еще здесь. Все, кто хотел тебя увидеть, получили свое.

– Я сама хочу кое-кого увидеть. – Рэд закусил губу, понимая, что призналась в этом не только Раффи, но в первую очередь себе. Она не должна искать встречи с Ариком. Она должна была позволить уйти ему легко, расстаться как ни в чем не бывало.

Но в глубине души Рэд была эгоистичной тварью.

Раффи кивнул, выразив полное понимание ситуации одним поднятием брови, подал ей полный бокал и налил себе. Она знала Раффи с четырнадцати лет: когда его отец стал канцлером, ему пришлось передать процветающую виноторговлю сыну, и никто не знал больше о торговых путях, чем валлейданские наставники. В самой Валлейде – маленькой холодной стране на самой макушке континента, примечательной лишь Диколесьем на своей северной границе да тем, что она время от времени приносила в жертву этому самому лесу своих Вторых Дочерей, – мало что росло. Практически все продукты были привозными, а главным источником дохода королевства была плата за молебны в его Храме – только там можно было вознести наиболее эффективную молитву Королям.

Рэд и Раффи росли бок о бок, и за эти шесть лет принцесса окончательно осознала, как сильно она отличается от остальных. Как быстро истекает ее личное время. Но за все эти годы Раффи ни намеком не дал понять, что видит в ней буду-

щую мученицу или соломенное чучело, которое надо сжечь на праздник. Он всегда относился к ней только как к другу.

Раффи посмотрел куда-то поверх ее головы, и его взгляд смягчился. Рэд проследила направление его взгляда. Там, на помосте, сидела Нив – пока что одна. Глаза ее слегка покраснели. Кресло Айлы пустовало. А у Рэд своего кресла там и не было.

Девушка отсалютовала сестре бокалом.

– Раффи, пригласи ее на танец.

– Не могу, – быстро пробормотал он, пряча лицо за бокалом, а потом осушил его одним глотком.

Рэд решила не давить.

Кто-то деликатно постучал ее по плечу, заставив стремительно обернуться. Молодой лорд испуганно попятился.

– О, миледи, гм... принцесса... я...

Он явно ждал резкого отказа, но на Рэд вдруг нахлынула усталость. Сложно все время быть резкой, как нож.

– Рэдарис.

– Рэдарис, – нервно кивнул он, идя красными пятнами от смущения. – Не окажете ли вы мне честь потанцевать со мной?

Рэд пожала плечами, чувствуя, как медусийское вино смешивает все ее мысли в теплый водоворот. Она не его ожидала увидеть, но почему бы и не потанцевать с тем, кому хватило храбрости пригласить приговоренную? Она ведь еще не умерла.

Юный лорд закурил ее в вальсе, едва касаясь талии. Рэд бы посмеялась над его робостью, но у нее пересохло в горле. Они все так боялись коснуться того, что принадлежит Волку.

– Ты найдешь его в алькове, – вдруг едва слышно прошептал молодой лорд. – Так сказала Первая Дочь.

Хмель мигом слетел с нее. Рэд уставилась на лорда. От смеси вина и вспыхнувшей надежды закружилась голова.

– Найду кого?

– Принца-консорта, – запнулся юноша. – Лорда Арика. Он был здесь. Он пришел.

Они вместе с ее неожиданным партнером закончили танец как раз недалеко от алькова, о котором он говорил. Шлейф ее платья почти касался тяжелых занавесей.

– Благодарю вас. – Рэд сделала реверанс.

На этот раз лорд покраснел до кончиков ушей. Он промямлил в ответ что-то неразборчивое и чуть не бегом бросился прочь.

Она подождала, чтобы руки перестали дрожать. Нив подстроила эту встречу, и Рэд достаточно хорошо знала сестру, чтобы догадаться – зачем. Нив не удалось убедить Рэд бежать. Может быть, у Арика получится.

Рэд решила дать ему такую возможность.

Она проскользнула в альков.

Не успели портьеры сомкнуться за ее спиной, а Арик уже обнимал ее.

– Рэд, – пробормотал он, уткнувшись в ее волосы. Стис-

нул ее бедра, прижимая к себе, склонился к ее губам. – Рэд, я скучал по тебе.

Рэд все равно не смогла бы ответить, но и без слов дала понять, что она тоже скучала.

Обязанности Арика как будущего принца-консорта Валлейды и уже действующего герцога Флорианы часто удерживали его вдали от двора, и сейчас он прибыл только из-за Нив.

Ее сестра была шокирована не меньше Рэд, когда объявили, что Арик станет ее супругом, а брак скрепит хрупкую договоренность, по которой Флориана становилась провинцией Валлейды. Нив знала о том, что происходит между Ариком и Рэд, но они никогда не обсуждали это, не в силах найти слов для еще одной маленькой трагедии. Будущий союз Арика и Нив резал как обоюдоострый меч, и каждая из сестер переносила боль в одиночку.

Рэд высвободила губы, прижалась лбом к плечу Арика, вдыхая его запах – мяты и дорогого табака, – пока не заболела грудь. Арик замер, глядя ее по голове.

– Люблю тебя, – прошептал он ей на ухо.

Он всегда говорил это. Она – никогда. Сначала она считала, что таким образом выражает свою истинную благосклонность к нему, облегчает ему будущее расставание, когда истекут отпущенные ей двадцать лет и древнюю сделку придется исполнить. Но это было не совсем верно. Рэд никогда не говорила о любви потому, что не любила Арика. То есть,

конечно, по-своему любила, но это была не та любовь, которую он испытывал к ней. Поэтому проще всего было не отвечать. И ее молчание вроде бы никогда не расстраивало его; но сейчас, прижавшись к нему, она ощутила, как он напрягся и стиснул зубы.

– Все как всегда, да, Рэд? – тихо спросил он так, словно уже знал ответ.

Она промолчала.

Бледными пальцами он приподнял лицо девушки за подбородок, чтобы лучше разглядеть. В алькове не горела ни одна свеча, но лунный свет падал из окна и отражался в его глазах, таких же зеленых, как папоротник в горшке на подоконнике.

– Ты знаешь, зачем я здесь.

– И ты знаешь, что я отвечу.

– Нив задавала не те вопросы, – выдохнул он с приглушенным отчаянием в голосе. – Просто хотела, чтобы ты сбежала, не думая о том, что будет дальше. А я подумал. Я только об этом и думал. – Он помедлил, потом запустил руки в ее волосы. – Рэд, давай сбежим вместе.

Глаза ее, наполовину закрывшиеся от поцелуев, широко распахнулись. Рэд вывернулась из объятий Арика так резко, что пара золотых прядей осталась в его пальцах.

– *Что?*

Арик снова обнял ее и притянул к себе.

– Давай сбежим вместе, – повторил он, глядя ее руки. –

Мы отправимся на юг, в Карсеку или Элкират, найдем там захолустный городишко, где люди не особо религиозны и уж точно не молятся на возвращение Королей. Где лес будет слишком далеко, чтобы – даже если чудовища снова хлынут из него – это затронуло нас. Я найду себе какую-нибудь работу, и...

Рэд высвободилась из его объятий.

– Мы не можем.

Приятная оглушенность от вина ушла, сменилась головной болью. Рэд прижала пальцы к вискам и отвернулась.

– У тебя есть обязательства. Перед Флорианой. Перед Нив.

– Это все ничего не значит, – он обнял ее за талию. – Рэд, я не могу отпустить тебя в Диколесье.

Рэд снова ощутила это чувство – кровь забурлила в венах, листья папоротника на подоконнике задрожали.

На мгновение она почти решилась ему все рассказать.

Про осколок магии, который оставило в ней Диколесье в ту ночь, когда они с Нив примчались на границу леса. Про бойню, которую устроил этот осколок магии, про кровь и неконтролируемую тягу к насилию, которую он провоцировал в ней. Про битву с собой, которую она вела с тех пор каждый день, чтобы удерживать его внутри себя и не позволять больше причинить кому-то вред.

Но слова не шли.

Рэд твердо решила отправиться в Диколесье – не для то-

го, чтобы вернуть богов. Не для того, чтобы удержать чудовищ внутри него. С самого рождения она была вплетена в древнюю, мистическую паутину отношений между богами и людьми, но причины, по которым она не стала бороться, чтобы вырваться из нее, не имели ничего общего ни с благом, ни с верой, которой она, сказать по чести, никогда и не имела.

Она твердо решила отправиться в Диколесье для того, чтобы спасти всех, кого она любила, от себя самой.

– Так не должно быть! – Арик вцепился в ее плечи. – У нас может быть своя жизнь, Рэд. Которую мы проживем просто для себя.

– Я – Вторая Дочь. А ты – избранный принц-консорт. – Рэд потрянула головой. – Вот наша жизнь.

Молчание.

– Я могу заставить тебя сбежать.

Сбитая с толку, Рэд настороженно прищурила глаза.

Его руки соскользнули с ее плеч. Арик взял ее за запястья.

– Я могу увезти тебя туда, где Волк не сможет до тебя добраться. – Помедлив, он с горечью добавил: – И где *ты* не сможешь добраться до Волка.

Арик стискивал руки девушки так крепко, что ей было почти больно, и, как листья, подхваченные ветром, ее гнев вырвался наружу – вместе с магией осколка леса. Магия рванулась из ее костей, обвивая ребра, как оплетает развалины выюнок. Папоротник снова, подчиняясь молчаливому зову,

потянулся к ней. Сквозь мраморные плиты под ее ногами Рэд ощутила, как подземные воды потекли быстрее, а пронизывающие землю корни начали расти, как безумные, стремясь к ней, к ней...

Рэд обуздала свою магию за мгновение до того, как стремительно удлинившиеся, заострившиеся листья папоротника вонзились бы в плечо Арика. Она отпихнула принца-консорта – энергичней, чем хотела, и он едва не упал. Пока Арик был занят собой и своим равновесием, листья папоротника уменьшились и теперь выглядели совершенно обычно.

– Арик, не в твоих силах меня заставить. – Руки ее дрожали, голос – тоже. – Я не могу остаться в этом мире.

– Почему? – низким, гневным голосом спросил он.

Рэд отвернулась и взялась за портьеру, от всей души надеясь, что пальцы не задрожат. Ее губы зашевелились, но она не могла подобрать нужных слов, и единственным ее ответом стало тяжелое молчание.

– Это из-за того, что случилось с Нив? – обвиняющим тоном бросил он ей в спину. – Когда вы с ней отправились на границу Диколесья?

Сердце Рэд толкнулось в ребра. Она выскользнула из-за портьеры. Та опустилась, заглушая слова Арика, скрывая его лицо. Шелестя юбками по мрамору, Рэд двинулась по коридору к балкону, выходящему на север. Отстраненно подумала, какие выводы осведомители жриц могут сделать из ее растрепанных волос и припухших губ.

Ну что ж, если они хотели невинную жертву, то этот корабль давным-давно отчалил.

После жарко натопленной бальной залы от пронизывающего холода на балконе перехватывало дыхание. Но Рэд была урожденной валлейданкой и, несмотря на побежавшие по коже мурашки, знала, что на дворе все еще лето.

Пот в ее волосах – после жары в бальной зале и ласк Арика бережно закрученные локоны совершенно растрепались и обвисли – окончательно высох.

Вдох, выдох. Пока не перестанут трястись плечи и не пройдет резь в глазах. Рэд на пальцах одной руки могла сосчитать людей, которые ее любили, и все они умоляли ее о той единственной вещи, которой она не могла сделать для них.

Слезы замерзли на ресницах, не успев сорваться вниз. Она была проклята с самого рождения, – Вторая Дочь, предназначенная Волку и Диколесью, как было записано на обломке коры в Святилище, – но все же иногда задавалась вопросом, не навлекла ли она на себя проклятие собственными руками? Не было ли это расплатой за то, что Рэд натворила четыре года назад?

Безрассудная отвага ударила им в головы после того злополучного бала. Безрассудная отвага и хмель. Они украли лошадей и поскакали на север, две девчонки против чудовища в бескрайнем лесу, вооруженные только камнями, спичками и яростной сестринской любовью.

Та сила, которая теперь запустила свои корни в Рэд, казалась намеренной злой пародией на ту беззаветную любовь. Как будто Диколесье решило доказать ей, что оно сильнее всего, даже любви. Что ее связь с лесом и поджидающим там Волком всегда будет сильнее.

Рэд с трудом сглотнула. Горькая ирония ситуации заключалась в том, что, если бы не та ночь и все, что за ней последовало, она бы выполнила желание Нив. Она сбежала бы.

Щурясь от холодного ветра, девушка посмотрела на север. Где-то там, за туманами и смутными огнями столицы, затаилось Диколесье. Затаился Волк. Их долгое ожидание почти подошло к концу.

– Я иду, – пробормотала Рэд. – Будьте вы прокляты, я иду.

Она развернулась. Взметнулся вихрь алого шелка. Рэд вошла внутрь.

Глава вторая

Она спала урывками. Когда на горизонте забрезжил красноватый рассвет, Рэд уже стояла у окна, переплетя пальцы, и смотрела на Святилище.

Окна ее выходили на дворцовый парк: ухоженные цветы и деревья, отобранные за свою морозостойкость. Святилище затаилось в дальнем углу, едва заметное за увитой цветами беседкой. Луч солнца отразился от каменной арки и окрасил ее в тусклое золото.

Святилище уже окружали исполненные благочестия жрицы – море белых одежд среди буйства зелени и цветов. Разумеется, здесь присутствовали все валлейданские жрицы Ордена, плюс множество паломниц из Рильты, которые ради этого великого дня пересекли море, и жрицы с дальнего юга, из Карсеки, и со всех прочих стран и городов континента.

В каждом Храме имелся осколок белого дерева – часть Диколесья, которой и возносились молитвы, но особой честью считалось отправиться в Храм Валлейды, где имелась целая роща белых деревьев. Это являлось привилегией – молиться о возвращении Королей среди белоснежных ветвей, таких же, как те, что стали темницей для них.

Но сегодня утром ни одна из жриц не ступила внутрь Святилища. Только Рэд было дозволено сегодня молиться в окружении белых ветвей.

Стекло запотело от ее дыхания. Рэд рассеянно принялась рисовать пальцем на запотевшей поверхности. Давным-давно так делали их с Нив няньки – рассказывая сказки, рисовали к ним картинки на стекле по ходу повествования. Сказки о Диколесье – каким оно был до создания Тенеземья, после чего вся магия мира оказалась заперта в нем, чтобы удержать там богоподобных существ, которые правили, сея смерть и ужас.

До того, как это случилось, лес был местом вечного лета, отдушиной в мире, преисполненном насилия. По словам нянек, с Диколесьем можно было заключить сделку, явившись в лес и поднеся ему в дар прядь волос, выпавший зуб, клочок пропитанной кровью бумаги. Мир был полон магии, и ею мог пользоваться каждый, кто обучился пользоваться этими силами.

Но однажды Пять Королей заключили Сделку с лесом, чтобы избавиться от чудовищных богов. Так было создано Тенеземье, тюрьма для существ, слишком необузданных и могущественных, чтобы и дальше позволить им ходить среди людей. И магия ушла – Диколесье втянуло ее в себя всю без остатка, чтобы справиться со столь сложной задачей.

Но с лесом все еще можно было заключать Сделки, даже после этого. И Киаран и Гайя, первый Волк и первая Вторая Дочь, сделали это. На Первом году после заключения Сделки, после которого чудовища были изгнаны из мира живых в Тенеземье и заперты там, Киаран и Гайя попросили у Дико-

лесья убежища от отца Гайи, Вальхиора, и ее жениха, Солмира, – двух из легендарных Пяти Королей. Диколесье выполнило их просьбу, дало им место, где они смогли спрятаться, место, где они всегда смогут быть вместе. Оно приковало их к своим границам и превратило в нечто большее, чем простые смертные, которыми они были до того.

На этом сказки нянек заканчивались. Они не рассказывали, как спустя пятьдесят лет после заключения Сделки Короли снова вошли в Диколесье – и больше не вернулись. Они не рассказывали, как через полтора века после исчезновения Королей Киаран принес труп Гайи на опушку леса.

Но Рэд знала эту историю. Сотни раз она читала ее и в книгах, считающихся священными, да и в книгах попроще об этом тоже упоминалось. Она ознакомилась с каждой версией, которую смогла найти. И хотя некоторые детали различались, в целом суть историй совпадала. Киаран, приносящий тело Гайи на границу Диколесья. Наполовину сгнившее тело, пронизанное плетями выюнка и корнями деревьев, как будто она приросла к самым корням леса. И то, что Киаран сказал тем, кто увидел его на опушке, – крестьянам из северных деревень, незначительным персонам, которые внезапно обнаружили, что стали частью истории и религии.

«Пришлите следующую».

Вот так история вечной любви превратилась в страшную сказку. Точно так же, как вечное лето Диколесья сменилось вечным осенним увяданием.

Иней на стекле начал таять. Рэд отдернула руку. Ее пальцы оставляли следы, как если бы заканчивались когтями.

Раздался неуверенный стук в дверь. Девушка прижалась лбом к окну.

– Минуточку.

Рэд сделала еще один глубокий вздох, втянула холодный воздух и поднялась на ноги. Ее ночная рубашка пропиталась на спине холодным потом так, что прилипла к лопаткам, и Рэд пришлось стянуть ее с некоторым усилием. Машинально она оглядела место чуть выше локтя на руке. Все еще никаких следов Знака. Рэд усилием воли отогнала надежду, бессмысленную и беспощадную, так и жаждавшую вонзить зубы в ее грудь.

Не сохранилось никаких точных описаний, как должен выглядеть Знак. Было известно только, что он должен проступить на руке Второй Дочери после того, как ей исполнится девятнадцать. Он должен был начать неумолимо тянуть ее на север, к Диколесью. И Рэд каждое утро, с тех пор как ей исполнилось девятнадцать, внимательно осматривала себя, проверяя каждую родинку и веснушку.

В дверь снова постучали. Рэд уставилась на закрытую дверь так, что от гнева дерево должно было бы разлететься на куски.

– Если вы не хотите, чтобы я присутствовала на молебне голая, дайте мне еще минутку.

Стук прекратился.

Мятое платье валялось на мокром полу у ее ног. Рэд натянула его и открыла дверь. Приводить в порядок волосы она не стала.

Три жрицы молча ждали ее в коридоре. Все они показались Рэд смутно знакомыми, так что они, должно быть, из валлейданского Храма, а не из числа паломниц. Скорее всего, предполагалось, что вид знакомых лица должен был ее подбодрить.

Если ее растрепанный вид и удивил жриц, они ничем этого не показали. Они только склонили головы, пряча руки в широких белых рукавах, и повели ее по коридору. Снаружи было холодно и сияло солнце.

В садах уже собралась целая толпа жриц. Они стояли по обе стороны увитого цветущим выюнком входа в Святилище, склонив головы и застыв в неподвижности. Рэд прошла мимо них, чувствуя, как с каждым шагом сердце колотится все быстрее. Она не смотрела на жриц, уставившись прямо перед собой, пока не нырнула в тень под аркой.

Первая комната Святилища была простым квадратным помещением. У двери находился небольшой стол с молитвенными свечами. В центре стояла статуя Гайи, высокая и величественная. У ее ног лежал обломок белой коры с написанными на нем словами Сделки, что заключили Гайя и Киаран. Тирнан помогла влюбленным бежать, и она принесла этот кусок коры как доказательство, что притязаниям Солмира на Гайю не суждено воплотиться в жизнь.

Рэд хмуро посмотрела на свою предшественницу. Гайя стала почитаемой святой, а Волк – нечистым монстром, и за этим стояла большая, тонкая работа по заполнению пробелов в истории так, как это было нужно жрицам. Пять Королей исчезли на земле, принадлежащей Волку, и значит, это он во всем виноват. Никто точно не знал, для чего ему понадобились Короли, зачем он поймал их и не отпускает. Может быть, таким образом Волк заполучил больше могущества. Возможно, он просто пошел на поводу у своей натуры – натуры чудовища, стал самим собой вместе с лесом, к которому был привязан, а магия Диколесья со временем искажилась и стала вредоносной. По официальной версии Ордена считалось, что Гайя была убита, пытаясь вызволить Королей из темницы, в которую Волк заточил их, – какой бы эта темница ни была. Но на самом деле не было никакого способа узнать, что там на самом деле произошло. Все, что было известно людям, – Короли покинули их, а Гайя мертва.

Комнату освещали только тусклые огоньки молитвенных свечей. Алых – «алый для агнца». Разобрать буквы на коре при таком освещении было невозможно, но Рэд знала их наизусть.

Первая Дочь – для трона.

Вторая Дочь – для Волка.

А Волки – для Диколесья.

Отблески свечей мерцали на барельефах, украшавших

стены. Пять фигур справа, имевшие явно мужские силуэты – Пять Королей. Вальхиор, Бирианд, Малькрозит, Кальрес и Солмир. Три фигуры на левой стене, более изящные – Вторые Дочери: Кальденора, Сайета, Мерра. В один прекрасный день, когда от нее останутся только кости в лесу, они вырежут здесь и ее барельеф.

Сквозь открытую каменную дверь в Святилище врывался ветерок, трепал черный тонкий занавес за статуей Гайи. Там находилось второе помещение – святая святых.

Рэд была там только один раз – год назад, в ее девятнадцатый день рождения. Она стояла на коленях, а жрицы Ордена молились, чтобы ее Знак проступил как можно быстрее. Рэд не видела поводов заглядывать сюда потом.

Тем не менее года было мало, чтобы она забыла о подобии белых деревьев вдоль стен – ветвях, срезанных в Диколесье и укрепленных на каменных постаментах. Мертвые ветки, покрытые белой корой, никогда не двигались, но Рэд помнила странное ощущение – ветви словно бы тянулись к ней. Так тянулись к ней колючие кустарники и другие растения, когда она не могла удержать под контролем осколок магии в своей груди. Она ощущала во рту привкус земли все время, пока жрицы молились.

Рэд нервно теребила мятую юбку. Она должна была войти во вторую комнату и провести там время, предназначенное для молитвы, подготовиться к отправлению в Диколесье. Но при мысли о том, чтобы снова оказаться среди этих вет-

вей, у нее кровь стыла в жилах.

– Рэд?

У двери в сад стояла знакомая фигура, облитая утренним солнцем, ярко выделяясь на фоне полутьмы, в которую было погружено Святилище. Нив поспешила к сестре, огонек только что зажженной молитвенной свечи трепетал в ее руке. Рэд не испытала никакого облегчения – только замешательство.

– Как ты сюда попала? – Она глянула через плечо Нив в сад. – Жрицы...

– Я сказала им, что во вторую комнату не войду. Не то чтобы они были счастливы по этому поводу, но пропустили меня.

Слеза скатилась по ресницам Нив. Она грубо стряхнула ее.

– Рэд, ты не можешь этого сделать. Для этого нет никаких причин, кроме слов на куске коры, тени ее раздери.

Рэд подумала о скачке в ночи, когда волосы ее развевались на ветру и сестра была рядом. О брошенных камнях и неукротимости. У нее заныло в груди. О крови. О жестоком побоище. О том, что шевелилось у нее под кожей. Семя, только и жаждущее прорасти.

Вот что было причиной. Не чудовища, не слова на коре. Единственный способ уберечь сестру – это покинуть ее.

Рэд не стала говорить бессмысленные успокаивающие слова. Она подтащила близняшку к себе, Нив уткнулась

лбом ей в ключицу. Никто из них не разразился рыданиями. Но тишина, в которой слышалось только прерывистое дыхание, была еще хуже.

– Ты должна доверять мне, – прошептала Рэд в волосы сестры. – Я знаю, что делаю. Так оно и должно быть.

– Нет. – Нив покачала головой, черные волосы прилипли к щеке Рэд. – Послушай, я знаю... Ты винишь себя в том, что произошло той ночью. Но ты же не могла знать, что за нами увяжутся эти...

– Не надо. – Рэд зажмурилась. – Пожалуйста, не надо.

Тело Нив в объятиях Рэд стало жестким, но она замолчала. Высвободилась из рук сестры, отступила на шаг.

– Ты умрешь. Если ты пойдешь к Волку, то умрешь.

– Ты этого не знаешь. – Рэд сглотнула, безуспешно пытаясь избавиться от комка в горле. – Мы не знаем, что случилось с другими.

– Мы знаем, что случилось с Гайей.

На это Рэд ничего не ответила.

– Понятно, что ты твердо решила уйти. – Нив попыталась вздернуть подбородок, но он слишком сильно дрожал для этого. – И понятно, что я не могу остановить тебя.

Она развернулась на каблуках и бросилась к двери, пронеслась мимо барельефов с Пятью Королями и Вторыми Дочерьми, мимо мерцающих свечей – бесполезных молитв. Несколько из них погасли от поднятой ее резким движением волны воздуха.

Ошеломленная Рэд взяла свечу и спичку с маленького столика. Фитилек загорелся не сразу – Рэд пришлось несколько раз выругаться себе под нос. Огонек обжег ее пальцы. Рэд почти обрадовалась боли – хоть какое-то ощущение пробилось в ее раковину, за стену бесчувственности, которую она выстроила вокруг себя.

Рэд яростно прилепила свечу у подножия статуи Гайи. Воск стекал, капал на исписанный кусок коры.

– Да чтоб тебя забрали тени, – прошептала она. – Чтоб нас всех забрали тени!

Это была единственная молитва, которую Рэд произнесла в Святилище.

* * *

Несколько часов спустя чисто вымытая, надушенная и закутанная в красное Рэд была официально благословлена как жертва Волку, обитающему в Диколесье. Придворные, все в черном, выстроились вдоль стен зала, напоминавшего пещеру. Еще больше людей толпилось снаружи. Жители столицы стояли плечом к плечу с крестьянами, которые приехали издалека, чтобы увидеть посвящение Второй Дочери в жертву.

С точки зрения Рэд, стоявшей на возвышении в передней части зала, собравшаяся толпа выглядела бесформенной массой из застывших рук, ног и неотрывно пялящихся глаз. Возвышение было круглым. Рэд сидела, скрестив ноги, на

черном каменном алтаре в его центре. Вокруг нее кольцом стояли жрицы – представительницы разных Храмов со всего континента, добившиеся этой высокой чести. Все они были в своих традиционных белых одеждах. Сегодня, по случаю церемонии, к облачению были добавлены белые плащи с капюшонами, под которыми жрицы спрятали свои лица. Они стояли спиной к Рэд. Остальные жрицы, которые не были назначены прислуживать в этом ритуале, тоже в плащах, сидели на почетных местах перед возвышением.

Алое платье Рэд на их фоне резко бросалось в глаза. Оно было такого же цвета, как и то, в котором принцесса отправилась вчера на бал, но если праздничный наряд подчеркивал ее фигуру, это жертвенное одеяние представляло собой бесформенный балахон. При любых других обстоятельствах Рэд бы сочла его очень удобным. Также на нее накинули вуаль соответствующего кроваво-красного цвета, скрывавшую ее тело целиком – края вуали свешивались с алтаря. Распущенные волосы Рэд были под ней никому не видны.

Белый – для благочестия. Черный – за тех, кого нет. Алый – для агнца.

В ряду позади жриц, между Ариком и Раффи, на самом краешке своего стула, сидела Нив. Через вуаль Рэд все фигуры казались залитыми кровью.

Верховная жрица Валлейды – эта должность являлась высшей в религиозной иерархии на континенте – стояла перед Рэд. По сравнению с другими жрицами шлейф плаща

Верховной был самым длинным, а плащ – самым белым. Она стояла лицом к алтарю, спиной к собравшейся публике, и шлейф ее плаща стекал с края помоста, собираясь в лужу белой ткани.

«Благочестие аж хлещет через край». – Рэд проглотила дикий, безумный смех, который начал распиравать ее изнутри.

Верховная жрица шагнула вперед. Лицо ее, как и у всех остальных, пряталось в тени глубокого капюшона. Зофия занимала эту должность, сколько Рэд себя помнила. Длинные волосы жрицы так давно лишились своего первоначального цвета, что никто уже и не помнил, каким он был. Лицо ее покрывали морщины; Верховная жрица была в возрасте, хотя никто не мог точно сказать в каком – только то, что она была очень стара. В руках она нежно, как младенца, держала белую ветку. Зофия осторожно передала ветку жрице справа от себя.

Жриц учили сдерживать себя, но все же на лице каждой священнослужительницы из-под бесстрастной маски проглядывало хоть какое-то чувство. Хотя бы радость. Но та жрица, которой сейчас передали ветку, рыжая и голубоглазая, смотрела на Рэд с холодным безразличием энтомолога, наблюдающего за насекомым. Ничто не изменилось в ее глазах, когда Зофия протянула руку и, собирая в руках ярды ткани, приподняла вуаль Рэд.

Страх, который принцесса загоняла глубоко вглубь себя, едва не вырвался наружу, когда с нее сдернули вуаль – словно

эта тонкая ткань была своего рода доспехом, защищавшим ее. Рэд вцепилась в край алтаря так, что чуть не обломала ногти.

– Мы чтим твою жертву, Вторая Дочь, – прошептала Зофия.

Она отступила на шаг и воздела руки к потолку. Остальные жрицы последовали ее примеру, и волна поднимаемых рук раскатилась от возвышения по всему залу.

На один короткий, ослепительный момент Рэд подумала о побеге. Забыть об осколке магии, ворочающемся в ее груди, и попытаться спасти себя, а не всех остальных. Как далеко она продвинется, если прямо сейчас бросится прочь с этого алтаря, путаясь в алом балахоне? Нападут ли они со спины? Изобьют ли, чтобы остановить? Обратит ли Волк внимание на то, что Вторую Дочь доставили к нему всю в синяках?

Она снова впиалась ногтями в камень. Один из них наконец сломался.

– Кальденора из дома Андралин, – объявила Верховная жрица в потолок, начиная перечисление Вторых Дочерей. – Отправлена в двести десятом году по заключении Сделки.

Кальденора принадлежала совсем к другому дому, чем Рэд, – она происходила из Андралинов, как и Гайя. Кальденора была совсем ребенком, когда Волк принес тело Гайи на край леса. А год спустя после этого из Диколесья хлынули чудовища – твари, словно сотканые из теней. По рассказам очевидцев, то были просто ожившие кусочки тьмы, которые

могли принять любую форму. К тому времени как у Кальденоры появился Знак, чудовища опустошали северные деревни уже почти десять лет и, по некоторым сведениям, иногда добирались до Флорианы и Медусии.

Поначалу никто не знал, в чем смысл Знака. Но однажды ночью Кальденора, не просыпаясь и босая, побрела в сторону Диколесья, как если бы что-то тянуло ее туда. После этого все наконец стало понятно: в чем смысл Сделки, записанной на куске белой коры, что хранился в Святилище, и что все происходящее – следствие смерти Гайи. Они отправили Кальденору в Диколесье. И монстры исчезли, растаяли, как тени.

– Сайета из дома Торицен. Отправлена в двести сороковом году по заключении Сделки.

Еще одно имя, еще одна трагедия. Дом, к которому принадлежала Сайета, в тот момент только что пришел к власти и ошибочно полагал, что только семейство, к которому принадлежала Гайя, связано условиями заключенной с лесом Сделки. Они были не правы. Выяснилось, что обязательство лежало на доме, который правит Валлейдой, вне зависимости от того, какой это именно дом.

– Мерра из дома Валедрен. Отправлена в трехсотом году по заключении Сделки.

Эта, по крайней мере, была кровным предком Рэд. После того как последняя королева из Ториценов умерла, не оставив наследников, Валедрены вернулись к власти. Мерра ро-

дилась через сорок лет после того, как Сайету отправили в Диколесье, а Сайета появилась на свет всего через десять лет после того, как туда ушла Кальденора.

– Рэдарис из дом Валедрен. Отправлена в четырехсотом году по заключении Сделки.

Верховная жрица, казалось, подняла руки еще выше. Ветвь, которую она сжимала в кулаке, отбрасывала неровные тени. Зофия перевела взгляд со своих протянутых пальцев на Рэд.

– Вот уже четыреста лет прошло с тех пор, как наши боги заперли чудовищ в магической тюрьме. Триста пятьдесят – с тех пор, как они исчезли, потому что Волк предал их и заточил в лесу. Завтра нашей жертве исполнится двадцать лет – столько же, сколько было Гайе, когда она связала себя с лесом и Волком. И мы благословим ее и отправим в лес, облаченную в белое, черное и алое. Мы вознесем молитвы, чтобы этого хватило, чтобы вернуть наших богов. Мы вознесем молитвы, чтобы этого хватило, чтобы удержать тьму подальше от наших домов.

Сердце Рэд грохотало в ушах. Она сидела, неподвижная, как каменный алтарь, как статуя в Святилище. Как чучело, которым они хотели ее видеть.

– Да не уклонишься ты от исполнения своего долга. – Голос Зофии звучал призывно и сладко. – Да встретишь ты свою судьбу достойно.

Рэд попыталась сглотнуть, но во рту у нее пересохло.

Глаза Зофии были холодными.

– Да будет твоя жертва сочтена достаточной.

В зале воцарилась тишина. Верховная жрица опустила руки и забрала белую ветвь у своей рыжеволосой соседки. Еще одна жрица вышла вперед, держа небольшую чашу с темным пеплом. Зофия аккуратно окунула один из побегов ветки в чашу, затем провела им по лбу Рэд, прочертив черную линию от виска до виска.

Кора была теплой. Рэд напрягла каждый мускул, чтобы не начать дрожать всем телом.

– Мы ставим на тебе отметку, теперь ты связана, – тихо произнесла Верховная жрица. – Волк и Диколесье получают то, на что имеют право.

Глава третья

Придворные, рассевшись по дорогим экипажам, отправились в путь на восходе солнца. Диколесье было рядом, ехать было недалеко. Экипаж Рэд возглавлял процессию. Принцесса была в одиночестве, не считая кучера. У ее ног стояла только одна сумка. Кожаная, потертая, под завязку набитая книгами. Рэд не знала, зачем она взяла их с собой. Но сейчас сумка стояла напротив нее, как последний якорь, привязывающий ее душу к ноющим мышцам и все еще бьющемуся сердцу. Ничего, кроме одежды и этой сумки, Рэд с собой в Диколесье не брала. По крайней мере, если она проживет достаточно долго, чтобы заскучать, ей будет чем заняться.

Она проскользнула в библиотеку, едва взошло солнце. Принялась торопливо сгребать с полок любимые романы и сборники стихов. Рукав ее задрался.

Знак был маленьким. Нить корня под кожей, кружок тоненького усика прямо под локтем. Рэд прикоснулась к нему. Сосуды на пальцах позеленели, а ветви живой изгороди за окном библиотеки потянулись к стеклу. Едва заметно – и в тот же миг Знак на ее руке шевельнулся. Нежно, но неумолимо – как будто крюк вонзился в ее грудь, тихонько потянув ее на север. К деревьям.

Рэд зажмурилась и сжала кулаки. Дышать стало больно, и она сосредоточилась именно на этом. Протолкнуть воздух

в легкие, потом обратно. У каждого вдоха был привкус могильной грязи, и из-за этого она в конце концов расплакалась. Рэд лежала на полу – опустошенная, окруженная упавшими книгами, точно крепостной стеной, и рыдала до тех пор, пока соль не вымыла с ее губ вкус земли.

Теперь ее лицо было чистым, а Знак спрятан под рукавом белого платья, которое она надела под плащ.

Белое платье, черный пояс, красный плащ. Группа молчаливых жриц принесла это все к дверям ее покоев вчера вечером. Рэд бросила всю одежду в угол кучей. Но когда она проснулась этим утром, Нив уже была в комнате и раскладывала одежду на стуле у окна, разглаживая заломы на ткани ладонью.

Нив молча помогла ей одеться. Подала белое платье, помогла натянуть его через голову и завязать черный пояс вокруг талии. Плащ Рэд надела последним. Цвета крови, он был тяжелым и теплым. Когда облачение было завершено, сестры некоторое стояли неподвижно и молча, глядя на свои отражения в зеркале.

Нив ушла, не сказав ни слова.

В карете Рэд плотнее закуталась в плащ. Она не могла удержать сестру рядом, но могла сохранить плащ, которого та касалась.

За окном мелькали придорожные пейзажи. Северная Валлейда – это холмы, долины и бескрайние просторы, словно Диколесье забрало в себя все деревья и не позволяло им

расти больше нигде, кроме как внутри себя. Рэд вспомнила, как поразила ее эта пустота в ту ночь, когда ей исполнилось шестнадцать и они с Нив украли лошадей, погнав их на север. В ту ясную ночь она чувствовала себя звездой – звездой, падающей сквозь мрак и холод.

Иногда на обочине попадались сельские жители. Они молча наблюдали за процессией. Вероятно, Рэд должна была помахать им рукой. Но она смотрела прямо перед собой, мир сузился до пределов ее алого капюшона. Знак пульсировал в ее руке, и в такт этой пульсации дрожали все поджилки Рэд.

Дорога заканчивалась задолго до границ Диколесья – никто, кроме Второй Дочери, не мог в него войти, да и не стал бы пытаться, поэтому подъезды к лесу никто не расчищал. Экипаж тряхнуло, когда колеса съехали на побитую морозом траву. Теперь он стоял на ничейной земле – это место не принадлежало ни Рэд, ни Волку.

Руки и ноги Рэд двигались почти сами по себе. Она подобрала юбки, перекинула сумку с книгами через плечо. Осторожно вышла из экипажа. Она не плакала.

Кучер, даже не взглянув на нее, тут же развернул экипаж, возвращая его на дорогу.

Станный гул исходил от опушки леса, одновременно отталкивающий и притягательный. Рэд он тянул вперед, остальных – отталкивал, предупреждая, что лучше всего держаться подальше.

Экипажи забили дорогу за ее спиной, плотно, как бусины

на ожерелье, прижавшись друг к другу. Хвост процессии доходил до ближайшей деревни. Все, кто приехал посмотреть, как дань лесу будет уплачена, молча ждали, когда работа будет сделана.

Впереди возвышаось Диколесье, отбрасывая тени на покрытую изморозью землю. В тумане тянулись ввысь голые ветви – все выше и выше; Рэд не могла увидеть даже, где они заканчиваются. Стволы изгибались и скручивались, как навеки застывшие в странных па танцоры. Кусочки неба, зажатые между ними, казались темнее, чем следовало бы, словно в лесу уже наступили сумерки. В обе стороны, насколько хватало взгляда, деревья росли как по линейке. Граница. Между «там» и «здесь».

Рэд никто не объяснил, что делать дальше, но это казалось достаточно простым. Проскользни между деревьями и исчезни.

Принцесса шагнула вперед и тут осознала, что лес тянет ее к себе, как подхваченный ветром лист. Она резко выдохнула и уперлась ногами в землю. Диколесье жаждало ее, хотело поглотить ее мгновенно. Но тени ее раздери, если она сдастся не на своих условиях.

– Рэд! – разорвал тишину голос Нив.

Она вылезла из кареты, путаясь в подоле своего черного платья. Солнечные блики играли на серебряном обруче в волосах двойняшки, когда она шла по полю с выражением крайней решимости на лице.

Впервые в жизни Рэд взмолилась. Гайе, Пяти Королям, кому угодно – кто услышит.

– Помогите ей, – пробормотала она онемевшими губами. – Помогите ей пережить это.

Остаток жизни Рэд поджидал ее за деревьями. Но Нив была здесь. Рэд пронзила острая и странная мысль, что впервые с тех пор, как они делили материнскую утробу, они с сестрой остались только вдвоем.

Еще одна фигура появилась из кареты позади Нив. У Рэд внутри все упало. Она подумала, что это Арик или Раффи и все они втроем сейчас предпримут последнюю попытку изменить то, что изменить нельзя. Человек медленно обошел карету величественной походкой; это был не Арик.

Мама.

Внешностью Рэд пошла в мать. Те же медово-золотистые волосы, те же острые скулы, широкие бедра и большая грудь – в то время как Нив была стройной, как веточка. Рэд смотрела, как мать ступает по покрытой изморозью траве, и ей казалось, что она смотрит на себя – жертву, идущую к лесу, – со стороны.

Казалось, эта мысль должна что-то значить.

Нив подошла к Рэд первой. Ее хриплое дыхание было рыданиями, запертыми в клетку благовоспитанности. Она притянула сестру к себе, обхватив ее плечи тонкими руками.

– Я увижу тебя снова, – прошептала она. – Я найду способ. Обещаю.

Судя по интонации, Нив ждала какого-то ответа. Но Рэд не хотела лгать.

Тень матери упала на них – более темная и густая, чем тени деревьев.

– Нивира. Вернись в карету, пожалуйста.

Нив даже не обернулась, чтобы взглянуть на Айлу.

– Нет.

Пауза. Затем Айла склонила голову, словно идя на компромисс.

– Что ж, тогда мы прощаемся все вместе.

Рэд знала, что это должно было произойти.

Мать Мерры была настолько расстроена, когда ее дочь отправили в Диколесье, что едва не отреклась от престола. Мать Сайеты еще долго после этого печального события поили успокоительными настоями. Кальденоре пришлось пить эти настои до того, как ее ребенка принесли в жертву лесу, – она почти обезумела, когда Знак проступил на руке ее дочери, когда наконец стало ясно, что все Вторые Дочери, рожденные королевами Валлейды, связаны с Диколесьем той Сделкой, что заключила Гайя.

Но прощания – для людей, которые хорошо знают друг друга, а Айла за всю жизнь Рэд не сочла необходимым толком познакомиться с дочерью.

Руки королевы под плащом дрожали.

– Я знаю, вы считаете меня жестокой. – Облачко пара вылетело у нее изо рта, как призрак. – Вы обе.

Нив ничего не сказала, но перевела взгляд на Рэд. Годы, за которые накопилось столько невысказанного, годы попыток добиться хоть какого-то проявления чувств от матери сжали ее горло.

– Я была бы рада, если бы ты была хотя бы жестокой, – сказала Рэд, зная, что теперь ведет себя жестоко она. – Жестокость – это было бы хоть что-то.

Айла застыла как мертвая.

– Ты никогда не принадлежала мне, Рэдарис.

Золотой завиток выбился из черной сетки, поддерживающей прическу королевы, и коснулся щеки Рэд.

– С того момента как ты появилась на свет, ты принадлежала лесу. И они старались изо всех сил, чтобы я не позабыла об этом.

Королева развернулась и, не оглядываясь, зашагала к карете.

Рэд медленно повернулась лицом к деревьям, следуя нежному, но настойчивому зову Знака. Она слышала шелест листьев – тихий, на самой грани восприятия, – хотя деревья находились слишком далеко даже для этого. Глубоко в ее груди осколок магии, изломанный подарок Диколесья, раскрылся, как раскрывается бутон цветка под солнцем.

Нив повернулась вместе с ней, глядя на лес со страхом и жгучей ненавистью.

– Это несправедливо.

Рэд не ответила. Мягко сжала руку сестры на прощанье и

двинулась к Диколесью.

– Обещаю, Рэд! – крикнула Нив ей вслед. – Мы еще встретимся!

Рэд оглянулась через плечо. Она не стала бы раздувать угли надежд, которым не суждено сбыться, но могла сказать правду, которая была никак не связана с ними.

– Я люблю тебя.

Слезы навернулись на глаза Нив.

И ответ – конец ее жизни:

– Люблю тебя.

Бросив последний взгляд на сестру, Рэд натянула алый капюшон. Он заглушил все звуки, кроме стука сердца. Она шагнула вперед, и деревья поглотили ее.

* * *

В Диколесье было холоднее.

Температура упала мгновенно, и стало настолько холодно, что Рэд поразовалась тому, что ее нарядили в этот плащ.

Когда девушка входила под своды леса, тот inferнальный гул, который она слышала уже издалека, стал громче и физически давил на нее. Рэд едва не запнулась о ковер упавших листьев и сломанных веток и была готова уже закричать от боли, но едва она пересекла границу леса, как все стихло. Исчезла и давящая на нее тяжесть. Рэд оказалась одна среди листьев и глубокой, нетронутой тишины. Единственное, что

двигалось в лесу, – это туман, причудливыми клубами ползущий по земле.

Знак, надежно скрытый рукавом платья и тяжелым плащом, снова засвербел как бешеный. А затем ощущение, как будто ее куда-то тянут, как на ниточке, исчезло полностью. Рэд рассеянно потеряла Знак.

Деревья были странными. Некоторые были невысокими и узловатыми, а другие – высокими, с прямыми стволами. Кора их казалась неестественно белой, но у самых корней стволы были изогнуты, перекручены и покрыты темными разводами гнили. Если бы у деревьев были сосуды, Рэд сказала бы, что яд забил именно их, и теперь они, набухшие, почерневшие, надувались на стволах. Некоторые деревья были тронуты гнилью только у основания стволов, другие черная слизь покрывала выше уровня человеческого роста. У этих ветви росли только на самой макушке. Они изящно свисали вниз – тонкие ветки, покрытые светлой, будто костяной, корой. Прямо как мертвые ветви в Святилище.

Одно белое дерево стояло прямо на границе леса. Черная гниль уже захлестнула его ствол почти до половины. Даже земля вокруг него казалась темной и источала запах мороза. Соседние деревья с обычной коричневой корой и еще сохранившие ветви там и сям не имели никаких признаков заражения.

Кроме деревьев и Рэд, здесь никого не было.

Она глубоко прерывисто вздохнула. Ей удалось заставить

сердце, трепыхавшееся почти что в горле, забиться ровнее. Под ребрами вскипал, медленно расширяясь, водоворот силы, которой она никогда не просила. Вены Рэд слегка позеленели.

Она полагала, что магия попытается вырваться наружу, и стиснула зубы, ожидая, пока каждое дерево в этом проклятом лесу потянется к ней.

Но ее сила оставалась послушной хозяйке. Она словно бы затаилась в ожидании чего-то.

Впрочем, Рэд знала, что ее заметили. Ее увидели, ее отметили. Деревья знали ее, они помнили – ее кровь на лесной подстилке, дар, всученный насильно, – сила, которой она никогда не искала и которую не могла контролировать.

Один короткий ослепительный миг Рэд жаждала схватки, хотя знала, что это бесполезно. Мать Сайеты пыталась сжечь Диколесье. Нив – тоже. Но это ничего не дало.

Рэд заткнула рот руками и засопела. Она не хотела, чтобы Диколесье видело ее слезы. Когда угроза разреветься миновала, принцесса стиснула свою сумку с книгами и вгляделась в полумрак, царивший под деревьями. Не было смысла оттягивать неизбежное.

– Я здесь! – раскатился под сводами ее крик. Звук причудливо менялся – пространство и окружающая тишина исказили его, заставив звучать почти жалобно.

Рэд расхохоталась как безумная и добавила:

– Достойна ли я?

Ничего не произошло. Туман бесшумно плыл между деревьям, запутываясь в ветках и мертвых листьях.

Рэд стиснула зубы от разочарования. Отчаяние, заполонившее всю ее еще мгновения назад, сменилось жестоким гневом. Она чувствовала, как зашевелились под ее ногами корни, как потянулись к ней ветви цвета кости.

Инстинкт подсказывал Рэд сдерживать свою магию. Но это было Диколесье, которому она принадлежала и порождением которого была эта сила.

– Я здесь, тени тебя раздери! – закричала она во мрак. – Приди и забери свою жертву, Волк!

Диколесье, казалось, склонилось к ней. Ожидая чего-то. Как будто у Рэд было нечто нужное лесу.

Безрассудная вспышка погасла так же мгновенно, как и появилась. В глазах Рэд заплескали черные пятна. Задышавшись, она стиснула кулаки. Точнее, попыталась – и обнаружила, что пальцы ее зарылись в лесную подстилку. Она нахмурилась, увидев, что руки ее погружены в слой мертвых листьев и прочего лесного мусора. Рэд не помнила, чтобы она опускалась на колени и вцеплялась в листья.

Прежде чем она успела подняться на ноги, ее руки начали затягивать вглубь. В мгновение ока земля покрыла ее руки до запястья, тонкие корни опутали пальцы. Они скользили по рукам девушки словно живые, испытующе тыкались в костяшки пальцев, кожу ладоней. Рэд ощутила острый укол около ногтя – корень словно пытался прорасти прямо под ее

кожу.

Сердце Рэд бешено заколотилось, паника сжала горло. Она отчаянно рванулась, пытаясь освободиться. Дернула рукой, пытаясь сломать этот корень. Ветви задевали ее голову, путались в волосах. Словно требуя чего-то.

Магия, затаившаяся в ее груди, медленно потянулась вперед – неумолимо, как тянется навстречу летнему солнцу плеть выюнка. Казалось, эта сила стремится вырваться из-под кожи Рэд навстречу лесу, породившему ее.

Нет.

Рэд стиснула зубы. Сглотнула, чувствуя привкус грязи, снова наполнивший ее рот, загнала магию обратно внутрь. Давила до тех пор, пока не поняла, что сейчас может рухнуть без чувств, обессилев в борьбе с этой частью себя.

Пот выступил на ее лбу. Магия наконец подчинилась ее воле и отхлынула вглубь, в клетку, которую Рэд создала там для нее. Ее запястья горели зеленым – силой, которой она не позволила выйти наружу.

Рэд выдернула руки из лесной подстилки. Вытерла ладони о колени. Тонкие усики корня сломались и отвалились. Упали на землю и словно бы зарылись в нее, как змеи, прячущиеся в нору.

Три белых дерева склонились над девушкой. Все они казались ближе, чем находились минуту назад. Их изящные падающие ветви низко опустились, словно руки, застывшие за миг до того, как погладить.

Под сводами вскипел и разлился мягкий звук. Он звучал почти как живой голос, пытающийся произнести слово. Но звук стих прежде, чем Рэд смогла разобрать, что это за слово, превратился в свист ветра и шелест листвы.

В последовавшей тишине с ветви куста один за другим упали три цветка, присоединившись ко множеству таких же, разбросанных под ногами. Маленькие белые цветки потемнели и иссохли еще до того, как коснулись лесной подстилки.

Это произвело на Рэд неприятное впечатление – словно бы лесу пришлось отдать частичку себя за попытку заговорить.

С трудом сглотнув, она встала, перекинула сумку через плечо.

– Что ж, я полагаю, мне самой придется тебя найти.

И двинулась в чащу леса.

К тому моменту как путь ей преградило непролазное скопление зелени, опутавшей одно из белых деревьев, Рэд потеряла счет времени. Невысокие, выглядевшие неопрытными кусты обвивали ствол, на ветках остро поблескивали шипы. Вьюнок опутал дерево так густо, что девушка едва смогла различить гниль – та покрывала весь ствол почти целиком, подбираясь к ветвям дерева в вышине. Она попыталась обойти заросли. В ее капюшон вцепился шип с ветки куста, которой – она руку была готова дать на отсечение – мгновение назад там не было, и сдернул алую ткань с ее головы. Еще один, острый, как кинжал, чиркнул ее по лицу,

оставив алую дорожку.

Рэд прикрыла щеку рукой, но было поздно. Капля крови медленно покатилась по шипу, упала на другой, еще ближе к истерзанному тьмой стволу белого дерева. Попробуй Рэд протянуть руку через сплетение сучьев и стереть кровь, она бы только зацепилась за другие шипы и пролила еще больше крови. Поэтому девушка просто стояла, смотрела, ждала, и страх стискивал ее грудь.

Кровь упала на белый ствол. Мгновение дерево словно бы колебалось, а затем жадно впитало ее, как впитывает воду иссохшая земля.

Спотыкаясь на листьях, Рэд попятилась от дерева, но врезалась спиной в другое, тоже тонкое и светлое, тоже перекрученное от черной гнили. Ветви кустов вцепились в ее юбки, но Рэд вырвалась. Треск рвущейся ткани показался неестественно громким в безмолвном лесу.

И снова этот звук. Он исходил от лесной подстилки, он был в шелесте листьев, скрипе ветвей и треске тянущихся к ней плетей вьюнка. Все это сливалось в некое подобие голоса, который Рэд не столько слышала, сколько ощущала всем телом. Он раздавался из ее груди, из осколка магии, который она удержала на месте, стиснув кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

«Наконец-то. Он был один так долго».

От дерева отломилась и упала ветвь. Еще падая, она высохла и скукожилась, словно для нее прошли годы, и превра-

тилась в высохший, скрюченный обломок.

У Рэд застучали зубы, волоски на руках встали дыбом.

Ветви тянулись к ней, корни ползли к ее ногам. Она застыла, как олень перед летящей в него стрелой.

Чего-то подобного Рэд ожидала в глубине души и была готова к этому. В разговорах с Нив она, конечно, отрицала это. Говорила, что никто не знает, что случилось со Вторыми Дочерьми после того, как они перешли границу леса. Но она знала, что ее здесь не ждет ничего, кроме смерти, и думала, что готова к ней.

Теперь, когда Рэд смотрела в глаза смерти – когтистые ветви уже тянулись к ней, искривленные гнилью корни, взрывая землю, подползали все ближе, – она поняла, что не готова покорно принять смерть. Все это смирение, которым ее пичкали двадцать лет, взбурлило и взорвалось в ней. Не от страха стучали ее зубы, а от ярости. Рэд хотела жить, а все эти каноны и уложения, которые твердили, что нет, она не должна, – к чертям их собачьим!

И она побежала.

Плети выюнка тянулись к ней, усыпанная листьями земля изгибалась под ногами, ставя подножки. Белые деревья изгибались и скручивались, словно пытаясь вырваться из невидимых оков. Лес словно был зверем, отчаянно нуждавшимся в ее крови, но кто-то сдерживал ее, как собаку на поводке.

В конце концов Рэд выбежала на поляну. Та была окружена белыми деревьями – стволы их дрожали, – но Рэд вы-

бралась на ее центр, где из растительности были только мох и грязь. Задыхаясь, девушка упала на колени. Юбка ее превратилась в лохмотья, ветки застряли в волосах.

Тишину нарушил сухой треск. Это раскололось одно из белых деревьев – словно улыбка перечеркнула светлую кору. Трещина раскрылась шире, в ней блеснули влажные клыки. Одно за другим деревья распахивали свои зубастые пасти, на стволах появлялись кровожадные улыбки.

Шатаясь, Рэд поднялась. Мышцы ее дрожали, но она снова побежала. В боку кололо, она не чуяла под собой ног, но бежала все дальше и дальше. В конце концов ее колени подломились, а мир превратился в точку. Рэд рухнула на кучу листьев, уткнулась лбом в землю.

Возможно, то было исполнением Сделки. Рассказы о теле Гайи с проросшими насквозь корнями. Возможно, Волк решит, является ли она приемлемой жертвой, только после того, как его Диколесье пожрет Рэд, как оно пожрало Гайю, и посмотрит, не выплюнет ли лес Королей после этого. Может быть, это Волк сдерживал Диколесье, чтобы у него во время погони как следует разгорелся аппетит, и теперь, когда Рэд выбилась из сил, он спустит лес с поводка.

Рэд закрыла глаза, ожидая каждую секунду ощутить прикосновение зубов к своей шее.

Минута. Две. Ничего не происходило. Она глянула сквозь намокшие от пота пряди, прилипшие к ее лицу.

Перед ней были железные ворота в два человеческих ро-

ста вышиной. Они тянулись, насколько она могла видеть, изгибаясь, прежде чем исчезнуть во мраке. Сквозь щели в металле Рэд видела части скрытого за воротами замка – башня, и еще одна, поменьше. Руины, наполовину пожранные окружающим лесом, но это было уже что-то.

Шатаясь, Рэд поднялась и медленно прижала руки к воротам.

Глава четвертая

Они не открылись.

Глаза Рэд скользили по стальному листу. Она нервно вытерла руки о порванную юбку. Если здесь и была щеколда, то слишком маленькая, чтобы ее можно было заметить. Никаких петель – ворота представляли собой цельный кусок железа. Он поднимался до двух закрученных точек, как если бы отмечал вход, но стальное полотнище под ними было таким же крепким, как в остальных местах.

– Короли на сраных лошадях. – Рэд оскалилась и хлопнула руками по металлу.

Она прошла через зубастый лес и уж как-нибудь сможет найти способ открыть проклятые ворота.

Шорох. Рэд оглянулась через плечо. В темноте белели два светлых ствола. Гораздо ближе, чем минуту назад.

Рэд попыталась поднять руки, чтобы снова ударить по воротам, но они не повиновались. Ее ладони отказывались двигаться, как будто приросли к железу. Поскальзываясь на палых листьях, Рэд пыталась вырваться, но ворота держали крепко.

Хриплое дыхание девушки разносилось в тумане. Она чувствовала спиной пристальное, жадное внимание деревьев, от которого волосы на шее становились дыбом. Деревья наблюдали. Деревья выжидали. Деревья все еще были го-

лодны.

Что-то шевельнулось под ее рукой. Бесформенная паника переродилась в острый страх. Поверхность ворот двигалась, скользила. Ощущение было такое, будто Рэд положила руку на муравейник. Грубый металл скользил по ее коже, забивая линии на ее ладонях, ощупывая отпечатки пальцев.

Так же внезапно, как и началось, железо перестало ползть. Полоса твердого металла медленно раскололась вертикально, снизу вверх, как прорастающий из земли побег. С тихим толчком ворота распахнулись.

Рэд на мгновение замешкалась, а затем шагнула вперед. Ворота закрылись у нее за спиной – девушка знала это, даже не оборачиваясь. Она осмотрела свои ладони – никаких повреждений, так, пара пятен ржавчины.

Разрушенный замок вставал перед ней из тумана и тени. Он оказался почти так же высок, как окружавшие его деревья. Когда-то это была великолепная крепость, но сейчас стены выглядели так, словно сделаны в основном из мха, а не из камня. Слева тянулся длинный коридор, который заканчивался нагромождением битого камня. Прямо впереди вонзалась в небо башня с потрескавшейся деревянной дверью в центре. Справа имелась большая квадратная пристройка, и находилась она в гораздо лучшем состоянии, чем коридор. Повсюду возвышались груды осыпавшихся камней – остатки обрушившихся зубчатых стен и рухнувших башен.

И за воротами не росло ни одного белого дерева.

Ноги Рэд перестали дрожать. Она не знала, что стоит считать безопасным местом в этом лесу, но уже поняла, что чем дальше от белых деревьев – тем лучше.

Порез на ее скуле все еще саднил. Рэд осторожно коснулась его и зашипела. Кончики пальцев залило сукровицей. Впереди маячила потрескавшаяся дверь в башню.

Он был где-то там. Она почти почувствовала это. Уверенность, от которой свербил затылок, которая зудела в Знаке на ее руке.

Волк, хранитель Диколесья и – судя по всему – тюремщик богов в их темнице. Рэд понятия не имела, как он поступит с ней теперь, когда она добралась сюда. Возможно, она прорвалась сквозь его лес только для того, чтобы быть брошенной обратно в пасть кровожадным деревьям. Волк проконтролирует, чтобы они закончили то, что начали.

Но выбор был невелик: или идти в башню, или оставаться здесь, в холодных, противоестественных сумерках, и ждать, и смотреть, удержат ли Диколесье железные ворота.

Да пропади они пропадом, все эти легенды! Рэд была такой же частью этих легенд, как и Волк, и если ее уничтожение было неизбежным, она предпочитала участвовать в этом, чем позволять потоку событий тащить себя. Перекинув сумку через плечо, девушка шагнула вперед и распахнула дверь.

Она ожидала, что окажется в исполненном разложения мраке, что внутри замок будет выглядеть столь же необита-

емым, как и снаружи. И в целом ее ожидания оправдались.

Если бы не светильники на стенах.

Нет, не совсем светильники. То, что Рэд приняла за них, оказалось плетями вьюнка, опоясывающими круглые стены. Огоньки мерцали на равном расстоянии друг от друга по всей длине плетей. Но сами плети не горели, пламя не распространялось по ним. Рэд даже не смогла заметить черных, обуглившихся пятен под огоньками. Пламя словно было просто прикреплено к плетям невидимыми узами.

Каким бы странным ни было освещение, оно позволяло в подробностях рассмотреть место, где она оказалась. Рэд стояла в огромном холле под высоким куполообразным стеклянным потолком. Сквозь треснувшее стекло купола сочился серенький свет. Изумрудный мох ковром покрывал пол. Тут и там на нем белели россыпи поганок. Прямо перед Рэд находилась винтовая лестница – вела она, судя по всему, на балкон под самой крышей башни. Первые несколько пролетов лестницы тоже заросли мхом. Также по всей высоте лестницы с некоторым трудом можно было различить плети вьюнка, опутывающие перила, свисающие до самого пола. Коридор, который она заметила снаружи, уходил от лестницы налево, а квадратная пристройка находилась, соответственно, справа. В нее вела стрельчатая арка; верхняя, закругленная ее часть была разбита.

И все это пустовало.

Рэд шагнула вперед. Сапоги ее зачавкали по мху. При-

смотревшись внимательнее, она обнаружила признаки того, что кто-то здесь все-таки живет. На балясине лестницы висел темный плащ. Под разбитой аркой стояли в ряд три пары потертых ботинок.

Но ни шороха не раздавалось в противоестественной тишине, ни единого движения Рэд не могла заметить. Она нахмурилась.

Свет позади нее мигнул. Рэд медленно оглянулась.

Еще пара огоньков на странной плети погасла.

Она бросилась к лестнице со всех ног, едва не упала. Все дело было в том, что, когда Рэд осматривала лестницу в первый раз, в том месте вообще не было светящейся лозы. Рэд попятилась, бросаясь то влево, то вправо, кружась вокруг лестницы.

Огоньки замерцали перед ней, осветив еще одну лестницу – эта вела вниз, не вверх. Рэд побежала к ней. Помещение вокруг нее стремительно затапливали сумерки.

Последний огонек погас, когда она добралась до лестницы. Она остановилась, тяжело дыша и ожидая увидеть, как погаснут огоньки перед ней тоже. Но пламя оставалось ровным, продолжая гореть на странной, несгорающей лозе.

Мох покрывал первые несколько ступеней и здесь, но вскоре под ногами Рэд показался камень – правда, сплошь охваченный паутиной тонких корней. Рэд смотрела себе под ноги, чтобы не споткнуться, и считала шаги, чтобы справиться с паникой.

Лестница закончилась на небольшой площадке, где находилась единственная деревянная дверь. Рэд толкнула ее, прежде чем осторожность взяла верх.

Дверь бесшумно открылась. Теплый, дружелюбный свет полился на площадку из проема, словно за ним восходило солнце. Рэд вошла внутрь так тихо, как только смогла, и застыла на месте. Узнавание пронзило ее ударом кинжала, чтобы затем бальзамом пролиться на измученную душу.

Библиотека.

Рэд мысленно оборвала себя прежде, чем успела подумать: «Дом». Это причинило бы слишком большую боль, да и в любом случае не до конца соответствовало действительности. Но все же большую часть своего времени она проводила в библиотеке Валлейды. Дни Нив были загружены уроками – Рэд обучили только считать и писать, а потом она была предоставлена в основном сама себе. Рэд прочитала почти все, что было в дворцовой библиотеке, некоторые книги – дважды. Чтение стало одним из немногих способов привести в порядок мысли, когда страх охватывал ее и сплетался в жуткую паутину, которую она не могла распутать. Запах бумаги, порядок слов на ней, ощущение краев страниц под пальцами успокаивали мятущееся море ее мыслей.

По крайней мере, обычно успокаивали.

На самом деле единственное, что объединяло дворцовую библиотеку и ту, в которой оказалась Рэд, – наличие книг. Перед ней протянулись ряды битком забитых стеллажей.

Книги громоздились на маленьких столиках. Прямо у двери стояла шаткая стопка книг, увенчанная кружкой, от которой пахло кофе. Пламя свечей заливало помещение золотым светом. Огоньки их, как ни странно, не мигали. Рэд поняла, что это не свечи. Осколки дерева, щепочки, странным образом горящие – и не сгорающие, такие же, как плети выюнка на внутренних стенах башни.

Ее сумка с глухим стуком упала на пол. Рэд затаила дыхание, но из-за стеллажей не донеслось ни звука. Рэд фыркнула – это вполне могло прозвучать как смех, будь в звуке поменьше страха и побольше уверенности. Библиотека в сердце Диколесья?

Она осторожно шагнула вперед, провела руками по корешкам. Запах пыли и старой бумаги щекотал нос, но плесенью здесь и не пахло. Книги выглядели ухоженными, даже те, которые явно были невероятно древними. Значит, за этой библиотекой кто-то присматривает, заботится о ней – притом гораздо лучше, чем об остальной части замка.

Большинство названий показались ей знакомыми. Дворцовая библиотека Валлейды считалась одной из самых богатых в мире, уступая только Большой библиотеке Карсеки, что находилась на самом юге континента. В ней имелись инкунабулы, относящиеся к Утраченному Веку Магии, история рильтийских торговых путей, трактаты о медусийской демократии.

Рэд бродила между стеллажами, наслаждаясь привычны-

ми видами, вдыхая запах библиотеки. Ощущение, будто в глаза сыпанули песку, постепенно проходило.

К тому моменту когда Рэд добралась до конца пятого прохода между стеллажами, она уже почти успокоилась.

И тут она увидела *его*.

Рэд резко выдохнула, звук расколол тишину. Она прижала руку ко рту, как будто могла вернуть вылетевший вздох.

Тот, кто сидел за столом, похоже, ее даже не заметил. Не шевельнулась склоненная над книгой голова, не дрогнула рука, которой он что-то писал. Развитые плечи говорили о большой физической силе – но силе человека, не чудовища. Пальцы, державшие перо, были длинными и элегантными, без когтей. Тем не менее в его облике было нечто нечеловеческое, налет чего-то потустороннего, проступающий из-под маски человечности.

– У меня нет рогов, если ты их высматриваешь.

Рэд рассматривала его руки, когда он повернулся к ней. Глаза Волка сузились.

– Ты, должно быть, Вторая Дочь.

Глава пятая

Волк не стал подниматься на ноги, но, даже продолжая сидеть и смотреть на Рэд снизу вверх, умудрился выглядеть так, словно смотрит на нее сверху вниз, поверх своего могучего носа – носа, который явно ломали и вправляли не один раз. Он выпустил перо из руки – большой, испещренной многочисленными тонкими шрамами руки – и запустил ее себе в волосы, черные, длинные, в беспорядке рассыпанные по его плечам. Волк подался к ней на стуле и теперь сидел вполоборота, профиль его резко обрисовывался в лучах светильника на столе. У него была мощная, мужественная линия подбородка. Вокруг глаз – усталые морщинки. Если Волк и был старше Рэд, то ненамного. Свое двадцатилетие он точно уже отпраздновал, но до тридцати ему было еще далеко.

Его тело было абсолютно человеческим, но все равно при взгляде на него возникало смутное чувство оболочки, натянутой на что-то, что не вполне являлось человеком. Все его телосложение находилось на границах привычного или чуть выходило за них – очень высокий, очень плотный, даже те-ни, которые он отбрасывал, казались чуть гуще, чем должны были быть. На первый взгляд он мог сойти за человека, но не на второй. Знак на руке Рэд запульсировал, когда их взгляды встретились.

Рэд с трудом сглотнула – у нее пересохло в горле. Губы ее зашевелились, но ей не удалось издать ни звука.

Волк приподнял бровь. Под глазами – прищуренными глазами цвета янтаря – у него были черные круги от усталости.

– Сочтем твое молчание за «да».

Он отвернулся, взял перо и продолжил свои записи. Его вторая, лежавшая на колене рука, тоже покрытая шрамами, слегка подрагивала.

Рэд даже не заметила, что открыла рот, пока со стуком зубов не захлопнула его.

В рассказе о Волке, принесшем тело Гайи на опушку леса, подробно описывалась только внешность Гайи. Никаких упоминаний, как выглядит Волк, там не содержалось. Всем было известно, что Диколесье изменило его. Он стал не вполне человеком, но в чем именно это выразилось, нигде не говорилось. Но история Волка была историей мифических чудовищ, и считалось, что за века, проведенные рядом с ними, он стал одним из них.

Эти покрытые шрамами руки, эти слишком длинные волосы, это лицо со слишком резкими, чтобы считаться красивым, чертами... Рэд думала, что готова ко всему, но к этому она оказалась не готова. До того, как стать чудовищем, Волк был человеком. Но тот, кто сидел перед ней, не умещался ни в одну из этих категорий.

Волк повернулся на стуле – мягким, плавным, дружеским

движением – и произнес тоном, в котором нельзя было найти ни капли дружелюбия.

– Ты можешь оставаться в библиотеке, сколько захочешь. Но я бы предпочел, чтобы ты не заглядывала мне через плечо, пока я работаю.

Рэд ощущала себя словно во сне – она увидела Волка, и он оказался человеком (в основном). Это наконец вернуло ей дар речи, а также заставило вспомнить то единственное, что как-то могло соотноситься с теми сказками, которыми ее кормили всю жизнь.

– Теперь ты отпустишь Королей?

Волк впервые посмотрел на Рэд в упор. Скользнул взглядом по ее спутанным волосам, в которых торчали ветки, по рваной юбке. Глаза его чуть расширились при виде пореза у нее на скуле. Рэд уже почти позабыла о нем. Она подняла руку и коснулась пореза. Кончики ее пальцев стали влажными – значит, рана все еще кровоточила.

Закончив осмотр и придя к какому-то выводу, Волк снова склонился над своими записями.

– Королей здесь нет.

Рэд давно в это все не верила, и потому ответ ее не удивил. Тем не менее он оказался чем-то вроде удара под дых, и она прерывисто вздохнула.

Плечи Волка напряглись – он явно слышал ее вздох. Волк глянул на Рэд через плечо, тени заострили резкие черты его лица.

– Значит, они все еще цепляются за это? Орден, так они себя называют?

– Орден Пяти Королей, – механически ответила Рэд. Она чувствовала себя заводной игрушкой, которую заводят и пускают крутиться без четко выбранного направления, без цели. – И да, они все еще... крепко держатся за это.

– Тонко. – Он провел по лицу покрытой шрамами рукой. – Извини, что приходится разочаровать тебя, Вторая Дочь, но Короли ушли отсюда. И в любом случае – они не таковы, чтобы на самом деле желать их возвращения.

– О! – Это было все, что она смогла сказать.

Волк вздохнул.

– Что ж. Ты пришла. Выполнила свою часть задачи. – Он указал на дверь. – Теперь мы в расчете. Я попрошу кого-нибудь сопровождать тебя, и ты сможешь вернуться тем же путем, которым...

– Нет, не смогу. – Разговор стал настолько нелепым, что Рэд посмеялась бы над происходящим, если бы не испытывала ощущения, что у нее все горло забито ветками и обломками коры. – Я пришла к тебе, а мы, Вторые Дочери, не можем уйти после того, как пришли к тебе. Так все устроено. Я должна остаться.

Его рука замерла, на резком лице отразилось удивление.

– Ты не должна, – тихо, но с пылом, который удивил бы Рэд, если бы она еще была в силах удивляться, сказал он. – Ни в коем случае не должна.

– Но таковы правила. – Губы Рэд шевелились словно сами по себе, в голове все смешалось, хотя она сообщала Волку прописные истины. – После того как мы приходим к тебе, мы не можем вернуться обратно. Лес не отпустит нас.

Волк сжал спинку стула с такой силой, что Рэд рассеянно подумала: та сейчас треснет.

– Отпустит, если я заставлю его сделать это, – почти про-рычал он.

Рэд стиснула рваные края своего плаща.

– Я остаюсь.

В его глазах промелькнуло нечто почти жуткое.

– Ну что ж. – Он отвернулся, бормоча себе под нос проклятия. – Тени меня раздери!

– Но это бессмысленно. – Рэд сглотнула, и в мыслях у нее прояснилось. – Если я тебе здесь не нужна, если ты просто хочешь отправить меня обратно, почему ты потребовал, чтобы нас присылали, в тот самый первый...

– Вот здесь давай и остановимся. – Волк поднялся со стула, сжимая перо, словно кинжал, развернулся к ней. И без того широкоплечий, он оказался на полторы головы выше Рэд, а взгляд его был острым, как нож. – Я ничего не требовал.

– Нет, требовал. Ты принес тело Гайи к опушке леса, ты сказал жрицам, чтобы прислали следующую, ты...

– Ничего из этого я не делал. – Волк шагнул к ней, голос его, как и ее, упал почти до шепота. – Что бы ты там себе ни

думала, что бы тебе ни понарасказывали – это все *неправда*.

Он выплюнул это слово, шагнув к ней. Его слишком черная тень, блеск его зубов – страх наконец пронзил ее мозг, ошеломленный, отключившийся от реальности бедный мозг Рэд. Она скрестила руки на груди, ссутулилась, инстинктивно пытаясь казаться меньше.

Волк запнулся, сделал шаг назад. Потом поднял руку, словно сдаваясь. Гнев его растаял, сменившись чем-то другим. Виной.

– Я... – Волк отвернулся, устало потер лицо. Вдохнул. – Я участвовал в этом ничуть не больше твоего, Вторая Дочь.

В ее мыслях царила полная неразбериха. Они переплетались, как корни в грязи. Рэд снова уцепилась за самые простые вещи – за то немногое, что она могла понять и исправить.

– Меня зовут не «Вторая Дочь». Я – Рэдарис.

– Рэдарис. – В его устах это звучало странно. Мягко и отчего-то очень хрупко.

– А ты Ки...

– Эммон.

Он отвернулся и снова опустился в кресло. Рэд нахмурилась:

– Эммон?

Покрытые шрамами пальцы взяли за перо. Краткий миг слабости прошел. Волк ответил сухим и резким тоном:

– Киаран и Гайя были моими родителями.

И снова молчание. Рэд покачала головой. Слова рвались наружу, но ей не удавалось собрать их в что-нибудь осмысленное.

– Так ты... ты не...

– Нет. – Плечи его под простой темной рубашкой напряглись. – Нет. Я не приносил тело моей матери на край Диколесья. Нет. Я не приказывал никому прислать сюда следующую Вторую Дочь.

Длинный, хриплый глубокий вдох и выдох.

– Здесь ни у кого из нас нет выбора. Кроме тебя, а ты яростно настаиваешь на том, чтобы остаться.

В его тоне содержался невысказанный вопрос. Волк хотел знать, зачем или почему. Но Рэд не знала, как ему это объяснить. Она ничего не ответила.

Волк поерзал в кресле, вытянул ноги, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. На Рэд он по-прежнему не смотрел.

– Они отправили тебя с обычной помпой, как я посмотрю, – ловко сменил тему разговора Волк. – И конечно, в этом чертовом красном плаще.

Она смяла в руке край плаща – теперь грязный и рваный.

– Алый – для агнца, в жертву приносимого.

Воздух в кабинете словно сгустился при напоминании. Волк промолчал, затем махнул рукой.

– Брось его в коридоре, и кто-нибудь сожжет эту...

– Нет, – резко, словно удар кинжала, выдохнула она.

Он глянул на нее через плечо. Между темными густыми бровями залегла складка. Рэд вцепилась в края плаща, запахла его. Он все еще хранил прикосновения Нив. Нив помогала ей надеть его. И в конце концов согласилась ее отпустить.

– Я хочу сохранить его.

Морщина между его бровями залегла еще глубже, но Волк кивнул. Когда он снова заговорил, голос его был тихим, а тон – осторожным.

– Сколько времени прошло с последнего... С тех пор, как сюда последний раз кого-нибудь отправили?

Рэд внезапно пробила дрожь. Она скрестила руки на груди.

– Век. Сто лет назад сюда отправили Мерру.

На спине под его рубашкой перекатились могучие мускулы. Волк посмотрел на свои руки, на шрамы на них и медленно сжал кулаки.

– Проклятие.

Рэд хотела ответить, но не смогла произнести ни слова. Запал у них обоих иссяк, оба чувствовали только странное взаимное истощение.

Волк – Эммон – решительно кивнул.

– Если ты твердо решила остаться здесь, не выходи за ворота. Лес для тебя небезопасен.

Он вернулся к своей работе, словно полностью забыв о ее присутствии здесь. Рэд поняла, что разговор окончен.

Не имея ни малейшего представления, что теперь делать, девушка вернулась к библиотечным стеллажам. Она была в полном смятении и никак не могла собраться с мыслями. Ее догадки о том, что с ней произойдет в Диколесье, были мрачны, но ничего подобного тому, что ее тут ожидало на самом деле, Рэд и в голову не приходило. Волк, оказавшийся не героем легенд, а всего лишь его сыном. Волк, которому она оказалась совершенно не нужна в качестве жертвы. Волк, который попытался отправить ее обратно, прочь из леса. Какая горькая ирония – Нив хотела того же самого!

Но Рэд принадлежала этому месту. Об этом однозначно говорила магия, всегда наполнявшая ее рот привкусом земли. Магия, из-за которой ее вены становились зелеными. Магия, которая может произвести такие чудовищные разрушения – если Рэд не сможет удержать ее под контролем. И еще – она так устала бояться.

«Ты не виновата», – сказала Нив ночью, на их последнем балу. Она говорила это и раньше, очень много раз. Но это Рэд – наполовину пьяная, наполовину безумная – подбила ее украсть лошадей, и умчаться тогда в Диколесье, и орать на деревья, чтобы увидеть, закричат ли они в ответ. И когда явились разбойники, улыбки которых были столь же опасны, как их ножи, и руки ее стали красными от крови, и сила Диколесья пропитала ее до костей, тогда Рэд...

Она стиснула кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы боль заглушила воспоминания, сделала их призрачными.

Она была опасна. Даже если Нив не помнила этого.

И если Рэд намерена уберечь свою сестру, ей должно остаться здесь.

Хочет этого Волк или нет.

Она бродила меж книжных полок. Те выглядели так привычно, так знакомо. Это грело душу и помогло Рэд восстановить душевное равновесие. Она надеялась, что среди книг, кроме тех скучных фолиантов, которые она уже видела, все-таки найдется парочка романов. Один том выглядел многообещающе: «Легенды, вин...» – было вытиснено на той части корешка, которую Рэд смогла рассмотреть. Рэд уже и думать забыла о царапине на щеке. Она потянулась и достала книгу с полки. Окровавленные пальцы мазнули по корешку, оставив бурые пятна – как выяснилось, царапина все еще кровоточила.

– О Короли...

Из-за стеллажа вышел Эммон со стопкой книг в руках. Он посмотрел на измазанный кровью переплет, перевел взгляд на порез на скуле Рэд. И опять очень внимательно осмотрел его. Затем присел, чтобы положить книги на пол.

– Чем это ты так? – напряженно спросил Эммон.

Рэд почувствовала, что на этот вопрос может существовать и *неправильный* ответ.

– Шипом, – сказала она. – Рана не глубокая, я просто... те белые деревья, они...

Волк все еще сидел на корточках над книгами. Он стиснул

кулаки так, что они стали похожи на лапы. Если бы в глазах Эммона не блестела неподдельная тревога, Рэд испугалась бы.

– Белые деревья? – тихо, но настойчиво переспросил он. – Твоя кровь попала на них?

– Да, вроде бы. Не то чтобы я их поливала своей кровью! Совсем чуть-чуть и...

– Мне нужно, чтобы ты рассказала мне, что именно там произошло, Рэдарис.

– Это просто царапина.

Она вытерла окровавленные пальцы о плащ. Его беспокойство и настойчивость заставила ее совсем смешаться.

– Шип воткнулся мне в щеку, и белое дерево... как-то поглотило мою кровь, всосало в себя...

При этих словах Эммон напрягся всем телом.

– И это дерево гналось за мной здесь. В смысле не в замке, в лесу.

Это звучало абсурдно. Щеки Рэд вспыхнули, от прилившей к ним крови порез раскрылся снова.

Волк медленно поднялся во весь рост. Его тень накрыла Рэд. Он заговорил очень ровным тоном, который никак не вязался с тревогой, плескавшейся в его глазах:

– Это все?

– Да. Дерево гналось за мной – вот и все, что оно делало. – Это был самый точный – и самый странный – ответ, который она могла дать. – Если этого не должно было случиться,

возможно, тебе следовало лучше присматривать за своими проклятыми деревьями.

Эммон приподнял бровь, но облегчение сквозило в каждом его жесте – угрожающе расправленные плечи его опустились.

– Мои извинения.

Он неуверенно протянул руку к ее щеке.

– Позволь мне все исправить.

Закусив губу, Рэд смотрела, как рука приближается к ее лицу. Она выглядела так... знакомо. Почти знакомо. Что-то заворочалось на задворках ее памяти, какой-то смутный образ... но он ускользал от Рэд.

Она кивнула.

Его кожа была шершавой – из-за множества шрамов – и теплой. Волк осторожно приложил указательный палец к порезу и закрыл глаза. Что-то проскользнуло в воздухе между ними. Волна тепла, запах листьев и глины окатили Рэд. Все вокруг окрасилось в оттенки золотого. Снова запульсировал Знак на руке. В самой глубине ее души шевельнулся засевший там осколок магии – так цветок, чувствующий дыхание приближающейся весны, раскрывается под снегом.

Краткий миг – и шип вышел из раны. Только в тот момент, когда Рэд открыла глаза, она поняла, что когда-то успела зажмуриться.

На лице Волка зияла рана – двойник-близнец пореза Рэд. Она недоверчиво потрогала свою скулу. Кожа была все еще

липкой от крови – но целой.

Волк опустился на колени, чтобы подобрать свои книги. Он склонил голову – быстро, но все же не так быстро, чтобы Рэд не успела заметить, что случилось с его глазами. Рэд подумала бы, что у него полопались все сосуды, – да только расцветившая белки сетка была зеленой, а не красной. И зеленая же корона окружала янтарно-коричневые зрачки.

– У тех, кто с ним связан, Диколесье в основном берет. Дары его скупы.

Эммон поднялся, сжимая книги в руках. Он развернулся, намереваясь направиться обратно к стеллажу, из-за которого появился. Он словно стал выше ростом, хотя казался довольно высоким с самого начала. И было нечто странное в его голосе – отзвук шороха листьев, которые кружит ветер.

– Это – один из них.

Рэд замерла на мгновение, прижимая пальцы к коже, с которой исчезло клеймо, которым лес пометил ее. Затем последовала за Волком. Слова благодарности застряли в ее горле – что-то в том, как он сутулился, говорило, что он в них не нуждается и не желает их слышать.

– Правила здесь простые. – Эммон поставил книгу на ее место на полке. – Первое: не выходи за ворота.

Его резкий голос звучал устало. Странное эхо, напоминающее шуршание падающих листьев, больше не звучало в нем.

– И впрямь несложно, – пробормотала Рэд. – Твой лес го-

степриимным не назовешь.

Он нахмурился еще сильнее.

– Второе правило. – Еще одна книга встала на свое место. – Диколесье хочет крови. Твоей – в особенности. Не проливай ее там, где деревья могут ее попробовать. Иначе они придут за тобой.

Ее пальцы, все еще остро пахнувшие кровью, сжались в кулаки.

– Это и произошло с Гайей и другими Вторыми Дочерьми?

Волк застыл на месте, наполовину запихнув очередную книгу на полку. Лицо его исказила боль. До Рэд дошло наконец, что именно она сказала. От стыда ей захотелось провалиться сквозь землю. Напомнить Волку о смерти его матери – явно не лучший способ навести мосты. А им ведь предстоит сосуществовать бок о бок в этой крепости!

Эммон ничем не ответил на ее бестактность. Разве что впихнул книгу на место несколько более энергично, чем было нужно.

– Да, примерно.

Расставив все книги по местам, Эммон направился к выходу из библиотеки. На пороге он развернулся, смерил Рэд взглядом поверх своего крючковатого носа.

– Третье правило.

Из свежего пореза на его лице сочилась темная – слишком темная – кровь, алая с прозеленью. Она больше всего похо-

дила не на потек, а на усик, которые выпускают растения. Но хотя бы из глаз его зелень исчезла.

– Не путайся у меня под ногами.

Рэд скрестила руки на груди, как щит.

– Понятно.

– В коридор выходит множество комнат. Займи одну из них.

Эммон толкнул дверь и махнул рукой в открывшийся проем.

– Добро пожаловать в Черную Крепость, Рэдарис.

Дверь за ней закрылась, и Рэд осталась одна.

Она принялась спускаться по лестнице и уже в самом низу вдруг вспомнила, когда она уже видела эту покрытую шрамами кисть.

В ту ночь, когда ей исполнилось шестнадцать. Когда Рэд случайно порезала руку о камень в лесу и истекала кровью. Когда осколок проклятой магии Диколесья засел в ее порезанной ладони. Тогда она видела нечто на изнанке своих сомкнутых век. Некий образ. Руки – намного больше ее собственных, покрытые шрамами, но так же, как и ее, погруженные в грязь. Пронзительный, оглушающий страх – такой же, как испытывала и она сама, но *не ее* страх. Нечеткий, расплывчатый всполох, панически метнувшийся в тени ветвей. До сих пор Рэд думала, что это была лишь игра ее собственного воображения. До сих пор.

Пока не увидела эти руки снова – вполне реальные и ося-

заемные. Теперь она знала и того, кому они принадлежат, и то, что ни одно из событий той ночи не было игрой ее воображения.

Тогда она видела руки Волка.

Глава шестая

Рэд вонзила пальцы в копну своих волос, прижала ко лбу ладони. Та ночь врезалась ей в память до мельчайших подробностей – по крайней мере, до этого момента. Разбойники гнались за ними. Затем напали на них. Началась кровавая мясорубка, и эту часть Рэд старательно забыла. Но что-то же там происходило! Она помнила покрытые шрамами руки и краткий момент паники. Теперь она вспомнила и все остальное – до таких мелочей, что не могла поверить, как можно было принять происходившее за игру воображения? Она касалась кого-то – не себя самой. И этим кем-то оказался Волк. Так или иначе, он был там. В тот миг, когда магия Диколесья обрушилась на нее, когда пробралась в Рэд через рану в ее руке и угнездилась в ее груди. Был ли Волк виноват в этом? Неужели лес отравил ее своей магией по его приказу?

Она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к щеке, все еще залитой кровью из раны, которую он излечил. Если бы Волк нарочно наделил ее этой проклятой магией, он бы наверняка не стал выпроваживать ее теперь обратно из леса. И не стал бы объяснять, как уцелеть в его лесу.

Рэд застонала, закрыв лицо ладонями. На миг она почти решила остаться здесь и сидеть под дверью до тех пор, пока Эммон не выйдет из библиотеки, а потом попытаться добиться от него ответов на все терзавшие ее вопросы. Но пол

был холодным, Рэд устала вытягивать ответы, а при мысли о том, чтобы терпеливо подкарауливать того, кто явно не хотел с ней общаться, почувствовала себя опустошенной.

Он велел ей не покидать Крепость. Значит, рассуждая логически, в Крепости бояться было нечего. И это был ее новый дом. Эта мысль с трудом укладывалась в голове. Но познакомиться со своим новым жилищем было бы весьма разумно.

Рэд устало поднялась на ноги и снова принялась подниматься по длинной, оплетенной корнями лестнице. Наверху горел свет, как будто здесь кто-то побывал и снова разжег огонь на украшавшей холл несгорающей виноградной лозе. Рэд остановилась на площадке, глядя на странный самодельный светильник. Пламя обнимало лозу. Она должна была гореть. Но лоза в яркой желто-белой глубине пламени выглядела совершенно неповрежденной. Рэд подумала о кусочках дерева в библиотеке, которые поначалу тоже приняла за свечи. На них тоже плясали огоньки – но они их не опаляли. Дерево и виноградная лоза. Растения, связанные странным симбиозом с пламенем. Осколок магии в ее груди снова заворочался.

Рэд попятилась и отважилась выйти в центр разрушенного холла. Сквозь разбитый стеклянный купол над головой сияло бледно-лиловое небо. С того момента, как она спустилась по лестнице, оно не стало ни ярче, ни темнее. Ни луны, ни звезд. Время здесь словно застыло в бесконечных сумер-

ках.

Свет, сочившийся сверху, и тот, что давала несгорающая лоза, был тускловат, но освещал холл равномерно. На покрытом мхом полу можно было различить остатки великолепного ковра. Под лозой и молодыми побегами, густо оплетавшими стены, были все еще видны полусгнившие гобелены. Теперь было уже и не разобрать, что на них было когда-то изображено, но на одном из них отчетливо проступали очертания лиц. Рэд нахмурилась, прищурилась, вглядываясь в эти лица. Похоже, мужчина и женщина. Возможно, они держались за руки. Ее волосы были длинными. Его глаза были темными.

Гайя и Киаран. Родители Эммона. Можно считать этот гобелен доказательством, что он действительно тот, за кого себя выдает, – если бы она нуждалась в доказательствах. От гобелена уже остались жалкие ошметки, но все же на нем был изображен не тот мужчина, которого она только что встретила в библиотеке. Черты лица мужчины на гобелене были мягче, по всем меркам его сочли бы более красивым. Его подбородок был вызывающе вздернут – Рэд узнала это выражение лица, едва взглянув на него. И на лице Эммона она просто не могла его себе представить.

И Гайя... Ее изображение пострадало сильнее, его было почти невозможно рассмотреть. Красивая. Отчужденная – состояние, в котором находился гобелен, только подчеркивало эту отстраненность.

Почему-то именно это расстроило Рэд больше всего. Она даже не могла толком понять, из чего именно состоит обжигающее варевое, вдруг вскипевшее в ее груди. Гайя, как и все Вторые Дочери, выглядела лишь символом, а не живым человеком. Не то, кем она *была*, определило ее судьбу – но лишь то, что она *значила*.

Некоторое время Рэд, нахмурившись, рассматривала gobelen, а затем двинулась к разбитой арке на другой стороне лестницы. За ней оказалось нечто вроде столовой, с порога вниз вела одна каменная ступенька. В правой стене находилось большое окно, покрытое паутиной трещин и оплетенное снаружи пышным вьюнком. Выходило оно, насколько можно было судить, на двор замка. Свет, проходя сквозь листья, становился зеленым, и в целом складывалось ощущение, что столовая, наполненная этим зеленым светом, находится на борту давно затонувшего корабля. В центре комнаты находился деревянный стол, растрескавшийся от старости. У одного из его концов стояли три стула. В задней стене имелаась дверь поменьше, петли давно проржавели. Рэд решила, что она ведет в кухню. Больше в комнате ничего не было.

Три стула. Ее брови сдвинулись. В сказках не говорилось, что здесь жил кто-нибудь еще, кроме Волка. Но в сказках не упоминалось, что Волков могло быть и больше одного. И что Волк, живущий здесь сейчас, был высоким, мрачным молодым мужчиной, чьи руки были покрыты шрамами. Как

выяснилось, нельзя полагаться на то, что говорят сказки. На самом деле Рэд понятия не имела, кто – или что – еще может таиться в Крепости.

«Кто-нибудь его сожжет», – сказал Волк о ее разорванном плаще. Это подразумевало, что в этих руинах проживает больше одного обитателя. Словно в ответ на ее мысли, из-за двери в кухню внезапно донесся лязг кастрюль и сковородок. Кто-то неразборчиво выругался. Потом еще кто-то рассмеялся – голос был совсем другим, он звучал беззаботно и легко, почти как музыка.

Подойти к двери и распахнуть ее, чтобы разом познакомиться с обладателями обоих голосов, Рэд не хватило духу. В голове ее взметнулись мысли о куклах из веточек и шипов, наломанных в Диколесье и оживленных при помощи той же странной магии, что не позволяла лозе сгореть в пляшущем на ней пламени. После деревьев с клыками любое, самое ужасное предположение могло оказаться реальностью.

Рэд попятилась сквозь разбитый проем и остановилась, только когда уперлась спиной в перила лестницы в холле. Ее плечо уперлось в штурток, висевший на балясине. Слабый запах палых листьев и кофейной гущи обдал девушку.

Рэд повернулась, глянула вверх. Тени все так же окутывали верхнюю площадку лестницы. Эта темнота и отпугнула Рэд в первый раз. Теперь, когда она уже несколько освоилась, темнота больше не пугала, а скорее манила.

Хотя местами лестница поросла мхом, она все еще вы-

глядела крепкой. Рэд поставила заляпанный грязью сапог на первую ступеньку. Мох зашевелился у нее под ногами, словно она наступила на змею, и та проворно поползла вверх, заставляя покачиваться поганки и тонкие корни на своем пути. Зелени становилось все больше, ряды крохотных зеленых бойцов все плотнее заступали ей путь и в конце концов превратились в сплошную стену, преградившую ее путь.

Рэд попятилась, страхнула с ног запутавшиеся на них травянистые усики.

– Пять Королей, – тихо выругалась девушка. – Намек понят.

Она отвела от лица слипшиеся от пота, спутанные волосы и только тут заметила, какая грязная у нее рука. В чем она сейчас нуждалась больше всего, это в горячей ванне. Даже учитывая, что на чистое тело придется надеть грязную одежду, это было бы весьма неплохо. Рэд не захватила с собой запасное платье. Не думала, что оно ей понадобится.

Эта мысль впиалась в ее разум острыми зубами. Неукротимый дух Рэд спас ей жизнь, пока она пробиралась через Диколесье. Голый инстинкт, дикая, необузданная сила. И вот что они подарили ей: жизнь. Рэд уже прожила на несколько часов дольше, чем когда-либо мечтала.

Пора было начинать как-то привыкать к тому, что она будет жить дальше. Но Рэд понятия не имела, с какой стороны ей к этому подступить.

Девушка прижала ладони к глазам и держала так, пока

грызущее чувство в голове за ними не утихло. Несколько успокоившись, она выпрямилась и покачала головой. Волк сказал, что Рэд может занять любую из комнат, двери которых выходят в коридор. Дальний конец его тонул в зеленом буйстве, и Рэд видела только одну дверь. Странная лоза-святильник имелась и здесь, хотя пламя на ней было поменьше и время от времени мигало. Пол и стены до половины заросли мхом. Обломок стены – или просто камень – в конце коридора тоже был опутан лозой с крупными листьями, среди которых благоухали незнакомые ей цветы.

Все это выглядело так, словно Диколесье ворвалось в Черную Крепость – и не один раз, – превратив большую ее часть в руины. Нельзя сказать, чтобы эта мысль сильно ободряла.

Теперь Рэд видела, что в коридор выходит множество дверей. Но только одна из них выглядела так, как будто ее недавно открывали. Рядом с ней на полу был чистый, без мха и растений, полукруг. Все они, смявшись в комок грязи, прилипли к нижней части двери. Мох уже снова потихоньку полз по ней, возвращая себе позиции, с которых был грубо отброшен.

Осторожно переступив через мох, Рэд толкнула дверь.

Комната за ней оказалась маленькой и скудно обставленной. Все доступные поверхности покрывала пыль – но хотя бы не вездесущие лозы. Пустые, без украшений или полок, стены. Большое окно, снаружи оплетенное вьюнком, через которое был виден двор замка. Каменная стена, начинавша-

ся, судя по всему, от тыльной части холла, спускалась по пологому склону к железным воротам. Прямо за той башней, через которую Рэд попала в крепость, обнаружилась еще одна – слишком невысокая, чтобы ее можно было заметить снаружи. Вокруг башни росли деревья. Рэд на краткий миг показалось, что они тоже цвета кости, и сердце замерло в ее груди. Но это были, судя по всему, совершенно обыкновенные деревья. Башню оплетали цветущие виноградные лозы, и в целом казалось, что она выросла здесь, а не была построена.

В углу у окна стояла заправленная кровать. Постельное белье – выцветшее, но чистое. В изножье кровати находился камин. Внутри – аккуратная стопочка дров. В алькове слева от двери Рэд увидела ночной горшок и железную ванну, уже наполненную водой. В углу напротив алькова разместился платяной шкаф. Рядом с ним на стене висело помутневшее от времени зеркало. На дверце шкафа пыль была смазана, остались отчетливые отпечатки ладоней. По размеру они вполне подошли бы Эммону.

Он сказал ей, что она может уйти, но приготовил ей место, если она решит остаться. Это заставило девушку задуматься – часть его настойчивой, убедительной речи, призывающей ее вернуться домой, наверняка была продумана заранее. Она почувствовала это. Но какая-то часть была импульсивной, порожденной горячим чувством. Вот только каким?

Рэд осторожно подошла к кровати. Глубоко вдохнув, как

ныряльщик перед прыжком, быстрым движением нагнулась и заглянула под нее. Она сама не знала, что ожидала там найти, но знала, что не сможет лечь на кровать, если не проверит.

Ничего, кроме раздавленного мха. Рэд поджала губы, выпрямилась и направилась к шкафу. Рывком открыла двери, готовая зарычать на любое чудовище, которое могло выпрыгнуть ей навстречу из этих темных глубин. Но рычать ни на кого не пришлось. Ярость сменилась удивлением.

Платья. Шкаф был набит ими. Простой покрой, неяркие оттенки зеленого – в лесу человека в таком платье и не заметишь. Рэд вынула из шкафа одно из них, темно-зеленое, осторожно держа его на весу так, чтобы платье не испачкалось о грязный плащ. Судя по всему, по размеру оно вполне ей подходило.

Рэд положила платье на кровать и закрыла шкаф. Отошла от него, прикусила костяшки пальцев и позволила себе испуганно – и одновременно облегченно – всхлипнуть. Она была совершенно сбита с толку.

Но ведь именно этого она и хотела, не так ли? Запереть себя и свою опасную магию в Диколесье, чтобы точно больше никогда не причинить вреда Нив или любому, кто ей дорог. И тот раз, когда ее сила вырвалась на свободу и принесла столько разрушений, останется первым и последним.

Да. Именно этого Рэд и хотела.

Но теперь, когда ее мечты воплотились в реальность, удо-

влетворения она не испытала. Лишь полное опустошение.

Рэд глубоко вдохнула и задержала дыхание, насколько смогла, то есть пока легкие не начало жечь сильнее, чем глаза от слез, которым она не собиралась позволить пролиться. Затем медленно сняла плащ. Сильнее всего в ее безумном беге через Диколесье пострадал именно он. Но Рэд держала изорванный, пропитавшийся грязью плащ так, как будто это был наряд из самой дорогой парчи.

Это было нелепо. Рэд была достаточно умна, чтобы понимать это. Нелепо было оставлять при себе наряд жертвы, то, чем ее поместили, обрекая на смерть. Но плащ хранил в себе прикосновения рук Нив – она помогала Рэд одеться, так же, как и много раз до этого, разглаживая складки. Нив была последней – кроме самой Рэд, – кто прикасался к алой ткани.

На то, чтобы оставить плащ при себе, были и другие причины. Этого хотела та же самая часть ее души, которая была в восторге от жестокой игры слов, в которой ее детское прозвище перекликалась с уготованной ей судьбой. Та часть ее души, которая с улыбкой вцепилась в острый клинок – предуготовленную ей долю – и улыбалась, истекая кровью.

Рэд сжала плащ в руках, ощутив пальцами грубое плетение ткани. Теми же осторожными движениями, какими она снимала его, Рэд свернула его так, чтобы скрыть самые большие прорехи, и убрала плащ в шкаф.

Интерлюдия I

Валлейда

На своем пути к Святилищу Нив не встретила в садах ни одной жрицы. Она ожидала, что ей придется пробиваться сквозь толпу лицемеров в белых балахонах, с нетерпением ожидающих, что жертва наконец оказалась не напрасной и что она вернет им их богов. Нив знала, что официально всемогущая служба на случай возвращения Пяти Королей начинается в полночь, так что время у нее еще было, но отсутствие людей в садах сильно удивило ее.

Пальцы она скрючила так, что они стали больше похожи на когти. Нив так сильно стиснула челюсти, что чуть не прокусила себе губу. Если так подумать, хорошо, что ей никто не попался по дороге. Она могла сделать что-нибудь неподобающее своему высокому званию Первой Дочери. Нив почти бесшумно скользила по вымощенным булыжником дорожкам, ее темное платье, казалось, поглощает лунный свет. На церемонии прощания с сестрой она была в другом, с обильной отделкой. Но тоже траурно-черном. Нив не знала, когда теперь сможет заставить себя носить другие цвета.

По правде говоря, принцесса не знала, зачем явилась сюда. Она была не из тех людей, кто способен найти утешение в молитве — хотя в свое время и пыталась. Да, после того

как ей стукнуло шестнадцать и с Рэд случилось то, что случилось. Нив ударилась в религию, в надежде, что это снизит беспощадную остроту ее мыслей и они не будут терзать ее или хотя бы будут терзать не так сильно. Но недели через две поняла, что ей это не помогает. Ее сестра была пешкой, фигурой, которую нужно было передвинуть, – пошлите ее в Диколесье, и, возможно, на этот раз Пять Королей вернутся. Или, по крайней мере, чудовища из легенд так и останутся там. Ни Рэд, ни Нив ничего не могли сделать, чтобы изменить ситуацию. Возможно, если бы Нив удалось уверовать, это в какой-то мере послужило бы утешением. Бальзамом на душу, раздавленную жестокой неизбежностью.

Но Нив не нашла утешения. Святилище оказалось всего лишь помещением с каменными стенами. Там было много свечей и ветвей. Но ни искупления, ни успокоения там не было.

А какими глазами Рэд смотрела на нее в те две недели, когда Нив пыталась уверовать. Словно бы Нив собственными руками копала сестре могилу.

И сегодня, когда Нив шла к Святилищу, надев траурные одежды, она уже знала, что все это бессмысленно. Сколько бы свечей она ни зажгла, какие бы молитвы она ни прочла – им не заполнить пустоту, что грызла ее изнутри. Пустоту, оставшуюся в душе в том месте, которое раньше занимала Рэд. Но горе было как камешек в туфельке – он чувствуется сильнее, когда стоишь на месте. В конце концов, в Святили-

ще хотя бы можно было спрятаться от любопытных глаз и дать волю слезам.

Нив почти миновала увитую зеленью беседку, прячущуюся позади каменного здания, укрытую в его тени. Девушка внезапно остановилась, глаза ее расширились и остекленели, рыдания, которые сдерживала из последних сил, стараясь успеть добраться до безопасного места, застряли у нее в горле.

В беседке кто-то был. Три жрицы стояли вокруг статуи Гайи, пламя священных красных свечей в их руках трепетало на ветру. Все еще в белом, разве что плащи они сняли. Плащи надевались только на церемонию благословения жертвы.

Первой Нив заметила жрица, стоявшая у стены, на которой были вырезаны имена Вторых Дочерей. По лицу ее скользнула тень жалости, смешанной со снисходительностью, – так взрослый смотрит на ребенка, потерявшего любимого питомца.

Нив стиснула кулаки.

Жрица осторожно поставила свечу у ног Гайи, прилепив ее на огарок одной из уже погашенных. Подойдя к Нив, она обхватила себя руками.

– Первая Дочь.

Ее «р» было слишком мягким для жительницы метрополии. Рильтийка, скорее всего. Из тех, кто пересек море ради возможности помолиться здесь, присутствовать при истори-

ческом событии, увидеть своими глазами, как Вторая Дочь будет принесена в жертву. Нив промолчала, но сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Две другие жрицы обменялись взглядом и вернулись к прерванной молитве. Умно. Желание обрушить на них пламя, бушевавшее у нее в груди, было написано у Нив на лбу. И что ей сойдет для этого любой повод, любое неосторожное слово – тоже.

Если жрица-рильтийка и поняла, какую ошибку допустила, подойдя к Нив, то ничем этого не показала. Жалость все отчетливее проступала на ее лице и звучала в ее голосе, когда она тихо обратилась к Нив:

– Это большая честь для вашей сестры, ваше высочество. – Фанатичный огонек вспыхнул в ее зеленых глазах. – Отправиться в священный лес, дабы умиловить Волка и сподвигнуть его и дальше держать своих чудовищ на коротком поводке. Мы возлагаем на нее большие надежды. Может быть, именно ей удастся склонить Волка к тому, чтобы освободить Королей. Это большая честь и для вас тоже – однажды взойти на престол страны, которая граничит со священным лесом. Из всех королей и королев всех земель наши боги больше всех благоволят королевам Валлейды.

Не сдержавшись, Нив громко фыркнула – звук, совершенно неуместный среди этих стен и тихо горящих священных свечей.

– Это большая честь для меня, – словно бы в сомнении

приподняв бровь, повторила она. – Да, огромная честь, что мою сестру убили, чтобы Короли, которых вы почитаете как богов, получили *хоть какую-то* возможность вернуться!

Фыркание превратилось в смех, полубезумный и резкий. Часто-часто дыша, Нив словно выплевывала этот смех сквозь плотно стиснутые зубы.

– А мне-то как повезло! Однажды я буду править бесплодной, холодной землей, которая граничит с лесом, битком набитым злобными чудовищами!

Жрица-рильтийка, казалось, наконец осознала свою ошибку. Глаза ее расширились, красивое лицо застыло и побледнело. Две жрицы за ее спиной неподвижностью могли соперничать со статуей, которой возносили свои молитвы, воск с их свечей стекал им на руки.

Нив поняла, что шагнула к жрице, только в тот момент, когда та попятилась. Принцесса оскалилась в безумной улыбке.

– Для вас это все так легко, – пробормотала она. – Для всех вас, жриц Закона. В тысячах миль от вашего священного леса, за границами своих государств – где вы в полной безопасности!

Продолжая пятиться, жрица-рильтийка ударилась лодыжкой о каменную ногу Гайи и чуть не упала. Алый воск испачкал ее подол, но она была не в силах отвести глаз от Нив, а лицо жрицы по цвету почти сравнялось с ее белыми одеждами.

– И это так трогательно. – Нив склонила голову, угол рта чуть приподнялся в едкой насмешке, но глаза ее не смеялись. – Ваша религия ничего не требует от вас лично. Вы отправляете девушку в белом, черном и красном в Диколесье каждые несколько столетий, когда появляется Вторая Дочь, – но все ваши усилия тщетны, Короли не возвращаются. Может, они считают это выражение раскаяния слишком трусливым? Может, они не хотят больше править теми, кто только и умет, что посылать бессмысленные жертвы и жечь бессмысленные свечи?

Теперь все три жрицы молча смотрели на нее, три пары широко раскрытых глаз уставились на лицо Нив.

Воск стекал по их пальцам и наверняка обжигал, но даже эта боль не могла заставить жриц, оглушенных силой ее горя и жестокостью, порожденной им, сдвинуться с места.

Нив с усилием разжала кулаки и выпрямила пальцы.

– Вон отсюда.

В полном молчании, прихватив свои молитвенные свечи, жрицы ушли.

Наконец оставшись одна, Нив едва не рухнула наземь, словно гнев был единственным, что заставляло ее держаться на ногах. Она хотела опереться на статую Гайи, но в последний момент успела одернуть себя. Нет, здесь она искать утешения не будет. За ненавистой статуей находился темный полупрозрачный занавес, отделявший вторую комнату Святилища. Туда-то Нив и направилась.

Ей уже доводилось бывать здесь однажды. В день, когда ее провозгласили наследницей престола. Тогда Нив исполнилось десять. Ее закутали в коронационный плащ, на котором были вышиты имена предыдущих королей Валлейды, и принесли сюда на торжественный молебен в ее честь. И для Нив, совсем еще ребенка, белые ветви, отбрасывающие тонкие, как иглы, тени на каменные стены, казались настоящими, высокими деревьями.

Пройдя во вторую комнату Святилища, Нив ожидала увидеть там именно это. Лес – подобие того, что поглотил ее сестру. Но это оказалась всего лишь комната. Комната, заполненная ветвями, укрепленными на мраморных постаментах. Самая длинная из них была не выше плеч Нив. Диколесье в миниатюре. Оно совсем не походило на тот лес, к границе которого они с Рэд мчались четыре года назад. И уж совсем ничего общего с тем лесом, в котором только что скрылась сестра.

В груди Нив, слишком тяжелой и одновременно пустой, пылало пламя. Она никак не могла повредить настоящему Диколесью. А вот этой миниатюрной его копии – вполне.

Она стиснула первую подвернувшуюся под руку ветку раньше, чем поняла, что собирается делать. Поняв это, девушка резко крутанула ветвь, и та оторвалась от основного побега с треском ломаемой кости. На мгновение Нив замерла. Потом яростно зарычала, оскалилась и отломилась еще одну ветку, наслаждаясь звуком, с которым она треснула, и

ощущением поддающегося под ее рукой дерева.

Нив и сама не знала, сколько ветвей она сломала, прежде чем почувствовала, что у нее за спиной кто-то стоит. Принцесса повернулась, сжимая в каждой руке по обломку ветки и выставив их перед собой так, словно это были кинжалы. Она выдохнула, сдвув свои темные волосы с лица.

В дверном проеме стояла рыжеволосая, белокожая жрица. На лице ее застыло жесткое выражение. Она показалась Нив смутно знакомой – значит, была не из пришлых, а из валлей-данского Храма. Нив задумалась, имеет ли это какое-нибудь значение. Она не разбиралась в том, что считается вероотступничеством, а что нет. Но устроить разгром в Святилище наверняка входило в этот перечень. И какое за это полагается наказание для Первой Дочери, официальной престолонаследницы?

Нив даже не испугалась толком – она полностью выдохлась, громя Святилище.

Пока что жрица ничего не предпринимала. Она молча стояла в проходе и своими холодными голубыми глазами осматривала произведенные Нив разрушения. Затем подняла взгляд на принцессу.

К тому времени дыхание Нив восстановилось. Девушка разжала кулаки, и два обломка веток, которые она сжимала, гулко ударились о каменный пол.

Нив и рыжеволосая жрица уставились друг на друга оценивающими, почти вызывающими взглядами. Хотя Нив и не

знала, что именно она оценивает.

В конце концов жрица вошла в комнату и принялась ловко собирать разбросанные на полу обломки ветвей.

– Ну же, – сказала она. Голос у нее оказался резкий, но не неприятный. – Если мы успеем это все прибрать, никто ничего и не заметит.

До Нив не сразу дошел смысл ее слов – так сильно он расходился с тем, что она ожидала услышать. Но жрица наклонилась, собирая обломки белых ветвей. Нив ничего не оставалось, кроме как последовать ее примеру.

На шее жрицы она заметила небольшой кулон – он раскачивался в такт ее движениям. Выглядел он как обломок дерева, вроде тех, что сейчас усеивали пол, и отличался только цветом: разломанные Нив в приступе ярости ветви сияли белизной выцветшей на солнце кости, а кулон жрицы был черным.

Нив нахмурилась. Это было очень странно. Жрицам не запрещалось носить украшения, но, как правило, никто из них этого не делал. Только белые одежды, соответствующие сану, – и больше ничего.

Жрица заметила, куда устремлен взгляд Нив. Она коснулась своего кулона, повертела его в пальцах. Легкая улыбка осветила ее лицо.

– Да, это тоже кусочек Диколесья, – пояснила рыжая. – Его легче ломать, чем кажется с виду. Главное – правильные инструменты, ну и знание, куда именно приложить силу.

Брови Нив почти сошлись на переносице. Жрица посмотрела на нее так, словно знала все вопросы, которые вихрем кружились в голове девушки, — но все же хотела, чтобы собеседница задала их вслух. Однако Нив решила держать язык за зубами.

Хотя после ее вспышки ярости Святилище выглядело полностью разоренным, в четыре руки они убрали его довольно быстро. Жрица приподняла подол своей пышной белой юбки и собирала в него обломки, как в мешок.

— Я избавлюсь от этого.

— Наделаете из обломков новых украшений? — резче, чем хотела, спросила Нив. Она так устала держать лицо! Притворяться, что горе не клокочет у нее под кожей и не выжигает душу изнутри.

— Нет, что вы. — Легкомысленный тон ответа не вязался со спокойным, сосредоточенным взглядом жрицы. Она продолжала неотступно наблюдать за Нив. — Они для этого не годятся. Пока что не годятся.

Грудь Нив сдавило от неуютности этого ответа.

Рыжая жрица стояла неподвижно. Она даже край подола, набитый щепками, умудрялась держать с царственным видом.

— Вы здесь из-за своей сестры?

— Из-за чего же еще? — На этот раз дерзость пропала из голоса, а вопрос получился тихим и почти жалобным. — Не молиться же я сюда пришла.

Жрица кивнула, никак не отреагировав на богохульство.

– Хотите узнать, что с ней произошло после того, как она вошла под своды Диколесья?

Нив на мгновение замешкалась. Такой серьезный вопрос – и задан таким легким тоном.

– А ты... вы знаете?

– И вы – тоже. – Жрица пожала плечами, как будто они говорили о погоде. – Лес запустил в нее свои невидимые нити. Как и в Гайю, как и во всех остальных. Ваша сестра пошла к Волку, и он сделал ее частью леса – так же как и себя самого.

Конечно, Нив знала эту историю. Волк приносит труп Гайи, весь насквозь переплетенный корнями, на опушку леса. Жуткий символ оброка, который он, Волк, теперь будет требовать всегда. Логично было предположить, что нечто похожее происходило и со всеми остальными Вторыми Дочерьми. Что Волк каким-то образом заставил Диколесье запустить свои корни в тело Второй Дочери. Они проросли в ее теле до костей, и теперь она не могла сбежать.

– Но она жива. – Слова жрицы разбили тишину.

Нив, не дыша, ждала продолжения.

Жрица кивнула и повернулась к выходу.

– Но она жива.

Не чуя под собой ног, Нив вышла из Святилища в покрытый мраком сад вслед за жрицей. Сделала несколько шагов, обошла рыжую и остановилась, жадно вдыхая холодный бодрящий воздух. Близилась полночь. Вскоре все жрицы, при-

бывшие поприисутствовать на принесении Рэд в жертву, соберутся здесь. Они будут молиться всю ночь, чтобы Волк принял жертву и освободил наконец Пятерых Королей, томящихся в неволе.

Но стоило Нив закрыть глаза, как перед ее внутренним взором снова встал алый плащ и фигура, уходящая в сумрак под деревьями.

Она жива.

– Ты будешь молчать. – Нив хотела, чтобы это звучало как приказ, но получилось больше похоже на вопрос.

– Конечно. – Жрица сделала тяжелую паузу. – Это очень правильная мысль, Первая Дочь.

Нив немедленно открыла глаза и оглянулась через плечо. Жрица, спокойная и неподвижная, как статуя, стояла позади нее. По ее лицу ничего нельзя было прочесть.

– Диколесье не отпустит ее.

Жрица склонила голову, словно бы выражая сочувствие горю Нив. Рыжие волосы жрицы упали на плечи.

– За последний век чары леса во многом потеряли свою мощь, но все же Диколесье еще сильно. Она не сможет сбежать, даже если попытается. – Глаза жрицы блеснули в лунном свете. – По крайней мере, не сразу.

Острые зубы надежды впились в грудь Нив.

– О чем это ты говоришь?

Жрица погладила свое необычное ожерелье из обломков дерева.

– Лес силен лишь настолько, насколько мы позволяем ему это.

Нив нахмурилась. Они со жрицей застыли в ночном ледяном воздухе, словно персонажи картины.

– Все случившееся останется только между нами, Нивира.

Жрица коротко поклонилась и двинулась прочь. Ее белые одежды растворились в темноте сада.

Прохладный ветерок обдувал руки Нив. Пьянящие запахи цветов раннего лета заполняли ее нос. Нив сосредоточилась на этих простых ощущениях, на якорях, привязывающих ее к реальности. Но перед ее внутренним взором по-прежнему мелькала фигура в алом плаще, уходящая в темный-темный лес.

Глава седьмая

Вода в ванне была такой холодной, что у Рэд даже зубы застучали, когда она сунула в нее руку. Но девушка была слишком грязной, чтобы это могло ее остановить. Она стянула с себя рваное белое платье и черный кушак и швырнула на пол, чтобы кто-нибудь их сжег. А потом быстро забралась в ванну, прежде чем холод мог заставить ее передумать, и ожесточенно принялась мыть волосы, выдирая из них веточки и листья. И занималась этим до тех пор, пока ее ногти не начали синеть. Выбрасывая очередной лист на пол рядом с ванной, Рэд заметила, что жилки на них позеленели. Нахмурившись, провела пальцем по жилкам. Ее воспоминания о том, как она прорывалась через Диколесье, были слишком наполнены страхом и смятением, чтобы полагаться на них. Но Рэд готова была поклясться, что все листья, которые она видела снаружи Черной Крепости, были сухими и серыми – того цвета, который означает конец осени и неотвратимо надвигающуюся зиму.

Рэд отбросила лист более резким движением, чем это было нужно.

Она вышла из ванны только тогда, когда вычистила из-под ногтей всю грязь, а из волос – все частички леса. Девушка стучала зубами от холода. Обнаженной прошла через комнату, чувствуя себя неуютно – лозы, оплетавшие окно, словно

бы наблюдали за ней. Взяла с кровати темно-зеленое платье. Не вытираясь, натянула на себя. Ткань прилипла к влажной коже. Рэд встала перед помутневшим от времени зеркалом и попыталась привести волосы в порядок. В животе у нее заурчало.

Перед тем как процессия покинула столицу Валлейды, всех ее участников накормили завтраком. Но Рэд кусок не лез в горло. Она помнила, что ела что-то, но даже не могла вспомнить, что именно. С тех пор многое успело произойти. Рэд промчалась сквозь кровожадный лес – несколько миль на одном адреналине. Встретила угрюмого Волка.

Она стиснула зубы. Комната была чистой, безопасной и изолированной. Последнее, чем Рэд сейчас хотелось заняться, это бродить по разрушенной крепости в надежде найти где-нибудь пару кусочков хлеба. Но живот снова скрутило; он заурчал громко и настойчиво.

Она вспомнила про маленькую дверь в задней части столовой, на которую наткнулась, пока осматривала замок. Петли на ней заржавели, из-за самой двери доносились голоса – проклятия и смех. Рэд все еще не чувствовала в себе достаточно мужества, чтобы познакомиться с обладателями этих голосов. Но она была абсолютно уверена, что за той дверкой находится кухня. И кто бы – или что бы – ни издавал те звуки, возможно, теперь оно – или они – уже покинуло кухню.

Крадучись, как воровка, Рэд выскользнула из своей комнаты. Было слишком холодно, чтобы ходить босиком. Мороз

пропитывал воздух, и даже поросшие зеленью стены не защищали от него полностью. Но обувь Рэд была настолько облеплена грязью и тяжела, что девушка не без основания полагала – при необходимости убежать у нее ничего не выйдет.

Небо над треснувшим стеклянным куполом в холле почти не изменилось. Если прищуриться, можно было заметить, что оно стало чуть темнее, но в целом – такое же серое. Казалось, что Диколесье застряло в вечных сумерках, на границе между днем и ночью.

Из-за разбитой арки, находившейся на другой стороне холла, донеслись голоса – слишком приглушенно, чтобы можно было разобрать слова, но интонации и низкий, угрюмый голос Рэд узнала. Волк.

Почти прижимаясь спиной к стене, она медленно двинулась к арке. Стена за спиной, даже поросшая мхом, успокаивала. Рэд нуждалась в чем-то, на что можно было опереться.

– Так она здесь? – произнес другой голос.

По крайней мере, это был вполне человеческий голос с мелодичным акцентом, похожий на тот, с которым говорил Раффи. Отзвуки прошлого?

– Так вот почему Диколесье так разволновалось.

– Разволновалось? Можно сказать и так, – проворчал Эммон.

– Я бы сказал – оно на грани. – Еще один голос, мужской и низкий, но не такой резкий, как голос Эммона. Рэд уже слышала его – за дверью кухни, после того, как там с грохо-

том обрушились горшки, этот голос негромко выругался. – Диколесью нужны двое, и оно знает, что она теперь здесь. Ты заставил лес пробыть в одиночестве слишком долго.

Пауза.

– Мы это уже обсуждали, – резко ответил Эммон.

Ответа он не получил. Рэд показалось, что она услышала вздох. Мгновение спустя снова заговорил мелодичный голос:

– Ну и где она тебя нашла?

– В библиотеке, – ответил Эммон. – И как она только догадалась пойти в эту проклятую библиотеку?

– На самом деле тут некуда больше идти. Ты не можешь спрятаться от нее, Эммон. Не больше, чем от остальных. А чего ты, собственно, ожидал?

В ответ Эммон пробурчал что-то о Пяти Королях, уделив особое внимание некоторым частям их тел и тому, что они могли бы с ними сделать.

– Где она сейчас? – спросил второй, мужской голос. – Ты знаешь? Или ты просто выставил ее из библиотеки и решил положиться на удачу?

– Я велел ей не покидать замка и держаться подальше от деревьев, – ответил Эммон.

Рэд заметила, что третье правило – держаться подальше от него – он не упомянул. И, скорее всего, не потому, что забыл.

– Ты думаешь, это что-нибудь изменит?

Ответом была тишина – раскаленная докрасна тишина.

Рэд поняла, что непроизвольно затаила дыхание.

– На востоке открылся разрыв. – Мелодичный голос мягко сменил тему. – Пока что ничего не вышло из Тенеземья, но я полагаю, это ненадолго. Страж-дерево было наполовину покрыто гнилью, когда я осматривала его в последний раз, и гниль быстро разрасталась. Я сбрызнула его кровью, но это не сильно помогло. – Легкий вздох. – Разрывов в последнее время становится больше, чем обычно.

Тенеземье. Еще одна сказка, внезапно воплотившаяся в реальность. Диколесье создало его как тюрьму, как ловушку, чтобы удерживать там разных чудовищ. У Рэд мурашки побежали по спине.

– Гораздо больше, – согласился низкий голос. – Мне уже несколько дней не попадалось страж-дерева, не тронутого теневой гнилью. Некоторые из них были поражены не очень сильно, но когда *это* доползет сюда – вопрос пары дней. Граница – как решето.

Когда Рэд вошла в лес, там не было чудовищ. По крайней мере, тех, которые жили в нем до того, как Кальденора отправилась к Волку, – тех существ, что могли менять форму и были сделаны из тени, щепок и обломков костей. Рэд не обратила на это особого внимания, ибо в основном была занята тем, что убегала от зубастых кровожадных деревьев. Но этот разговор о Тенеземье, о разрывах, о том, что пытается прорваться сквозь них...

– Диколесье сейчас слабо, – устало ответил Эммон. – Но

я могу это исправить.

– Без ножа тут не обойдешься, – в мелодичном голосе зазвучали мрачные нотки. – Либо это, либо тебе придется стать...

– Пока я справляюсь, не так уж важно, как именно я это делаю.

– Она здесь – значит, без нее не обойтись, Эммон, – резко заметил мужчина. – Хочешь ты этого или нет.

– Завлечь еще одного человека в эти кровавые игры? Уже пробовали много раз – это не решает вопрос. Дает только недолгое улучшение.

Раздался звук стула, который кто-то отодвинул – ножки заскребли по полу.

– И ты это знаешь, Файф. Ни разу это не помогло – и не поможет.

Сердце Рэд затрепыхалось прямо в горле.

Из-за арки вышел Волк. В его янтарных глазах полыхал огонь, челюсти были крепко стиснуты. Рэд сжала руки в кулаки и отошла от стены. Позади Эммона она мельком заметила еще двоих – невысокую, изящно сложенную женщину с золотисто-коричневой кожей и бледного долговязого мужчину с золотисто-рыжими волосами. Но все ее внимание было сосредоточено на Волке и на тех ужасных – возможных – следствиях из того, что ей удалось подслушать.

– Что за разрывы?

Увидев ее, Волк попятился и взмахнул руками так, словно

она был чем-то опасным, от чего он хотел защититься. Брови его сошлись над переносицей.

– Подслушивать невежливо.

– Невежливо? Бесспорно, ты знаешь в этом толк, – в тон ему ответила Рэд. – Еще раз: что за разрывы?

Эммон медленно опустил руки. С минуту он смотрел на девушку, словно взвешивая что-то. Затем попытался пройти мимо.

– Тебя это не касается.

Рэд повернулась вместе с ним.

– Позволю себе не согласиться.

– А я абсолютно в этом уверен.

– Разрывы, в которые пройдут чудовища?

Эммон протянул руку за сюртуком, висевшим на покрытой мхом балясине перил.

– Что ты знаешь о чудовищах?

– Я знаю, что они вышли из леса, потом Кальденора вошла в него, и они исчезли.

После стольких лет, когда Рэд верила, что все эти рассказы ни годятся лишь на то, чтобы пугать детей, говорить об этом вслух – и всерьез – было очень странно. Но за то время, что она провела здесь, она уже успела расстаться со многим, во что верила, – и лицом к лицу столкнуться с совершенно новыми, неизвестными угрозами.

– Еще я знаю, что, если бы меня не отправили сюда, ты бы снова выпустил их из леса. Так говорят.

Он вцепился себе в бедро длинными, покрытыми шрамами пальцами и повернулся к Рэд. Оказалось, что при упоминании Кальденоры краска сошла с его лица.

– Никаких чудовищ я не посылал. – Волк сглотнул, кадык резко дернулся туда-сюда. – Они пришли... но я их не посылал.

Это Рэд тоже никак не могла пока что уместить в голове – этот могучий, весь в шрамах мужчина явно боялся своего леса ничуть не меньше, чем она сама.

– Так, значит, это правда? Чудовища нахлынули из леса?

– Да, так все и было.

Он отвернулся и пригладил свои длинные темные волосы.

– Но будь уверена, этого больше не повторится. Независимо от того, прислали бы тебя в лес или нет, я никогда не позволю ничему выйти из этого проклятого леса, а уж тем более не отправлю чудовищ наружу по собственной воле. На самом деле я делаю все, что могу, чтобы все эти твари оставались внутри.

Рэд поняла, что это попытка – довольно бесстрастная – успокоить ее. Так же нельзя было не заметить, как Эммон напирал на то, что он не посылал чудовищ намеренно.

– Ах вот как. И куда же ты идешь?

– Заниматься Волчьими делами.

Эммон сгреб сюртук и двинулся к двери, на ходу накидывая его на плечи.

Рэд приняла решение мгновенно, слова слетели с ее губ

прежде, чем она успела толком их обдумать.

– Я иду с тобой.

Волк повернулся к ней, зубы его блеснули в свете пламени негорящей лозы.

– Нет, ты не идешь. Ни в коем случае.

– Почему? Учти, «Волчьи дела» за объяснение не сойдут. Нужно объяснение получше.

Эммон сжал кулаки. Губы его дернулись, словно у него было наготове это «объяснение получше», но он проглотил готовую сорваться с них резкость.

– Для тебя это небезопасно, – произнес он наконец. – И ты это знаешь.

– Безопасность? Здесь это в лучшем случае весьма относительное понятие. И я хотела бы лично убедиться, что ты выполняешь свою часть Сделки. Что никакие чудовища не выйдут за пределы твоего леса.

Свет упал на его лицо, глаза вспыхнули янтарем – и одновременно стали заметны глубокие тени, залегшие под ними.

– Почему бы тебе просто не довериться мне?

Рэд вздернула подбородок:

– Пока не вижу оснований.

Они яростно уставились друг на друга, Рэд и Волк. Ни один не желал уступать.

– Я обещаю не истекать кровью, – мягко сказала Рэд. – Только так они могут найти меня, да? По запаху моей крови?

Эммон не ответил, и по его взгляду, которым он букваль-

но сверлил ее, ничего нельзя было прочесть.

– Иди обуйся. – Волк кивнул в сторону коридора. – Не можешь же ты разгуливать по Диколесью босиком.

Ее облепленные грязью сапоги валялись прямо за дверью комнаты. Рэд сбила с них основную часть грязи и быстро зашнуровала. Девушка понимала, что Волк вполне может передумать, если она провозится слишком долго. Рэд хотела уже вытащить из шкафа алый плащ, но решила, что с него на сегодня хватит.

Когда она вернулась в главный зал, Эммон движением плеч сбросил с себя сюртук и протянул девушке, избегая встречаться с ней взглядом.

– Там холодно.

После минутного колебания Рэд взяла сюртук и накинула на плечи. Он еще хранил тепло тела Волка. Сюртук доходил ей почти до колен и пах старыми книгами, кофе и опавшими листьями.

Хмурый Эммон открыл дверь и шагнул в туман.

Глава восьмая

Небо потемнело до фиолетового, укутав Диколесье в черный и темно-синий. Желтое сияние Крепости в нескольких дюймах от нее поглощалось тьмой. Лес словно бы не одобрял слишком яркий свет.

– Не отставай.

На один шаг Эммона Рэд приходилось делать два, и он явно не собирался подстраиваться. В лучах уходящего солнца на его талии блеснул кинжал.

Рэд шла быстро, держась за спиной Эммона. Рукава его сюртука скрывали кисти ее руки, но она ухватила за потертую ткань и натянула ее посильнее. Ночью, что бы здесь за нее ни сходило, в лесу оказалось ужасно холодно. Даже если Эммон мерз без сюртука, он ничем этого не показал. Рэд решила, что он уже привык к холоду.

– Ничего не трогай.

Они подошли к воротам. Туман клубился над створками, тень Эммона из-за этого казалась почти черной. Эммон свирепо покосился на Рэд через плечо:

– Держись все время рядом. И чтоб ни одной капли крови.

– Даже в мыслях не было.

– Хорошо.

Эммон коснулся ворот. Как и тогда, когда Рэд вошла в Крепость, по металлу вверх от земли зазмеилась трещина, и

вот уже дверь распахнулась перед ними. Волк шагнул в густой туман, клубы его взметнулись у его ног. Рэд двинулась следом. Деревья плотно обступили их. Белые ветви возносились во мрак над их головами – ненасытные лезвия, ждущие только знака. Рэд глянула на них и шагнула к Эммону поближе. Она чувствовала тепло его тела и видела, как перекачиваются мускулы у него под рубашкой.

– Мы ищем прорывы со стороны Тенелесья, верно?

Эммон утвердительно заворчал в ответ.

– И как они выглядят?

– Как тьма.

Эммон отвел с их пути ветку дерева. С того места, где находилась Рэд, ветка выглядела как кулак с полуразжатыми пальцами.

– Как лужа черной грязи, сама по себе или вокруг белого дерева, если мы доберемся до нее достаточно быстро. Место, где Диколесью уже не хватает сил держаться, и Тенеземье прорывается сквозь него.

– Думаю, я его видела.

Кольцо тьмы вокруг белого дерева, покрытого гнилью, – она видела его, когда пересекла границу, на самом краю Диколесья – вполне соответствовало описанию Эммона.

– Когда я... когда я только вошла в лес.

– Весьма возможно, – отрывисто ответил Эммон. – Они теперь совсем не редкость.

Следуя за Волком через погруженное в тень Диколесье,

Рэд осторожно перешагивала через узловатые корни, обходила странные цветы и уклонялась от тянущихся к ней шипов. Она слышала дыхание леса в шелесте ветвей и скрипе плетей вьюнка. Ее кожу начало покалывать, словно бы под чьим-то пристальным взглядом. Этот лес был живым – живым и разумным.

Она снова прижалась к спине Эммона, держась немного сбоку, и наткнулась на его вытянутую руку, не заметив ее во мраке. Рэд ощутила ее как твердый теплый прут поперек своей груди. От неожиданности она поскользнулась на влажных листьях и ухватилась за руку Эммона, чтобы не упасть. Она ощутила под пальцами шершавость его шрамов, а затем Волк отстранился, бросив на нее мрачный, непостижимый взгляд.

Перед ними тянулось вверх белое дерево толщиной не меньше чем в три обхвата, словно впиваясь в темно-фиолетовое небо, в высоте шумели ветви цвета выгоревшей кости. Почва вокруг него вспучилась от могучих корней – и они были покрыты черной мутной гнилью. Порча ползла вверх по стволу, накатываясь, как вода во время наводнения. Полоса земли, темной, мягкой и рыхлой, как труп на последней стадии разложения, опоясывала дерево.

– Как далеко зашло, – пробормотал Эммон себе под нос. – Но, по крайней мере, мы добрались до нее раньше, чем начали умирать страж-древя в самой Крепости.

Он подошел к кольцу отравленной земли, коснулся кин-

жала на поясе, словно проверяя, на месте ли клинок.

– Не подходи. – Эммон присел на краю темной полосы. – И не двигайся.

Рэд кивнула. Она могла пока что не доверять ему, но не до такой степени, чтобы пробираться через Диколесье самостоятельно.

Волк снова потянулся за кинжалом, но на полпути передумал и отдернул руку.

– Кровью его сегодня уже поливали-переполивали, – проворкотал он себе под нос со вздохом. Потом склонил голову, закрыл глаза. – Значит, опять колдовать. Терпеть этого не могу.

Эммон закатал рукава. Рэд показалось – в сумерках она не могла быть уверена, что именно она видит, – что вены на его руках наливаются зеленым. Цвет становился ярче, когда Эммон вдыхал, и светлел при выдохе. Волк медленно расправил плечи, словно сбросив тяжкий груз, который почти пригибал его к земле. Рэд только сейчас поняла, каким напряженным он был все это время.

Ни единого движения в зеленой чаще, но девушка почувствовала, что Диколесье словно бы подкралось к ним чуть ближе.

Она скрестила руки на груди, настороженно глядя на деревья. Тогда, когда она пробивалась сквозь них, полуослепшая от страха, вся в крови, у нее было отчетливое ощущение, что лес словно скован невидимыми цепями, не позво-

ляющими ему наброситься на нее в полную силу. Теперь же Рэд чувствовала, что цепи эти ослабли.

Эммон приложил руки прямо на край разрыва, едва не касаясь пальцами гнилой рыхлой земли. Наклонил голову, полностью сосредоточился. И снова его вены вспыхнули зеленым под кожей – на этот раз уже и на шее. Что-то темное пробивалось сквозь кожу на его запястьях, прямо над костяшками. словно бы кора нарастала на его руках.

Рэд смотрела на Эммона во все глаза и не заметила, как из-под ближайшего куста выполз корень и вцепился ей в лодыжку. Девушка коротко вскрикнула от испуга, корень дернул ее за ногу и повалил на землю. Она ударилась икрами о камни и корни, которые стремительно вылезали из земли. Шипастая плеть выюнка набросилась на нее, как змея, обвила и привязала к почве. Осколок магии леса, глубоко засевший в груди Рэд, заворочался, медленно, но неумолимо вырываясь наружу.

Диколесье словно бы заколебалось на миг, белые деревья вокруг закачались, выжидая, а затем набросились на девушку. Шипастая плеть, прижимавшая Рэд к земле, хлестнула пленницу. Шипы глубоко вонзились в тело, потекла кровь. Корни белого дерева вырвались из земли вокруг нее и потянулись в сторону рваных ран, оставленных шипами. От боли и страха Рэд завопила на весь лес.

– Рэдарис!

Эммон, шатаясь, распрямился. Ноги его дрожали. Чем бы

он ни занимался на краю ямы, из которой готовы были вырваться тени леса, это занятие выжало Волка досуха. В его глазах мелькнула паника, их белки снова налились зеленью, вены на его пальцах сверкали, словно изумрудные. Эммон потянулся за кинжалом.

– Держись, я...

Диколесье заглушило его голос – треск зашевелившихся ветвей звучал как торжествующий вопль. На плетях выюнка, опутывающих Рэд, раскрывались новые цветы – огромные и словно бы светящиеся в сумерках. Листья, серые и почти увядшие, залоснились, наполнились зеленью – как и вены Рэд. Рот наполнил кислый привкус, словно бы она наелась земли. Осколок магии в ее теле становился все больше – и он жадно тянулся навстречу голодным белым деревьям.

Рэд подумала о Гайе, чье тело насквозь проросло корнями, – высосанной, поглощенной. Кальденора, Сайета, Мерра – этот лес пожрал и их троих. Он возьмет то, что ему нужно, и отбросит опустошенную оболочку, если только она не найдет способ остановить его, сдержать его, отрезать...

Паника, охватившая ее, придала девушке сил. Рэд ухватилась за рвущуюся из нее магию и развернула ее поток внутрь.

Лес снаружи отпрянул от нее с треском ломающихся костей. Корни, ветви и шипы задержались, когда Рэд начала загонять свою магию внутрь. Это было больно – превратить себя в клетку для дикой твари, которая выла и бросалась на прутья, пытаясь вырваться наружу. Но Рэд продолжала да-

вить на нее, загоняя ее все глубже и глубже. И она загнала тварь вглубь, и связала ее, и отрезала от тянущихся к ней ветвей леса, словно воля ее была острым ножом.

Кислый привкус земли, заполнивший ее рот, исчез. Вены на запястьях посветлели, из зеленых становясь синими. Диколесье еще раз закричало – пронзительно и яростно, – и под его сводами снова воцарилась тишина.

Открыв глаза, Рэд ожидала увидеть разгромленную поляну, но нет – ни сломанных деревьев, ни отломившихся ветвей. Диколесье замерло, как ошеломленное животное. Рэд с трудом поднялась – колени ее подгибались. Комья грязи падали с подола ее разорванного платья и одолженного Эммонном сюртука.

Волк уставился на нее широко раскрытыми глазами, словно позабыв про кинжал, который все еще сжимал в руке.

– Это еще что такое?

– Не делай вид, что тебе это неизвестно. По крайней мере, не сейчас, когда ты только что собирался сделать то же самое у меня на глазах.

Зелень, текущая по венам Эммона, была почти точно такой же, как и та, что пыталась заполнить ее жилы.

– Сила. Сила этого траханого леса. Ты был там, когда я получила ее. Ты был там, когда... когда эта сила вошла в меня. Я тебя видела.

Паника в глазах Эммона медленно переросла в ужас.

– Нет, – прошептал он, качая головой. – Я... я пытался

остановить это, мне казалось, что я *остановил* это...

Из гнилой земли с треском вырвались корни, заставив его замолчать на полуслове. Они оба одновременно посмотрели на дерево.

– Дерьмо. – Эммон перехватил кинжал поудобнее, второй рукой толкая Рэд себе за спину. – Дерьмо.

Он больше не подходил к краю разрыва, не пытался призвать ту тайную лесную магию, которую собирался использовать сначала. Вместо этого он полоснул себя кинжалом по ладони. Рэд вздрогнула от неожиданности.

Но Волк не успел.

Края наполненной тенями ямы схлопнулись невозможно быстро – так уходит вода через дыру в дне внезапно проткнутой чаши. Гниль наполнила корни деревьев, сделав их черными, как смоль, хлынула на белый ствол и захлестнула его.

Эммон бросился к дереву, выставив руку с сжатым кулаком, из которого капала кровь. Но прежде чем он добрался до него, последняя капля тьмы всосалась из грязи в корни, и прогнившая земля вокруг них взорвалась. Острые обломки веток и листья – теперь все непроглядно черные – взлетели в воздух. Эммона отбросило назад, а гниль уже подбиралась к ветвям.

Рэд присела, прикрывая голову руками. Дерево, теперь полностью прогнившее, медленно начало проваливаться под землю. Диколесье вокруг них, неподвижное, безмолвное и печальное, смотрело, как почва поглощает дерево. С той же

ужасной, неестественной быстротой тронутое тенью разложившееся дерево начало менять форму, втягивая в себя с земли палые листья, вырывая из почвы старые кости – человеческие, звериные и какие-то совершенно невообразимые, все пронизанные нитями теневой гнили, что заливала их из отравленных корней, – и из этого всего возникло тело.

Некая часть сознания Рэд, которую не затопило ужасом, тихо подсказала ей, *что* она видит. Чудовище, сотканное из теней, о котором говорилось в сказках, явило себя, чтобы сойтись в схватке с человеком, овладевшим магией леса. И это все происходило у нее на глазах, по-настоящему.

Вскоре огромная воронка, в которой крутились кости, тьма и вырастающая из них тварь, обрела форму, остановилась и застыла. Женщина. Это была женщина с длинными темными волосами. Глаза ее мерцали желто-зеленым. Она улыбнулась. Грибы заполняли ее рот вперемешку с зубами.

– Ты думаешь, в этот раз все пойдет по-другому?

В ее голосе не было ничего человеческого. Низкий, словно бы кто-то дергал самую толстую струну на расстроенной арфе, он медленно расползлся в воздухе, дрожа.

– Эта история повторяется снова и снова. Так смешно наблюдать за этим отсюда, снизу. Но конец всегда один и тот же. Ты слишком слаб, Волчонок. Так же, как и твой отец.

Эммон согнулся пополам. Руку, которую он сам себе вспорол и из которой продолжала сочиться кровь, он прижал к груди – похоже, когда его отбросило взрывом, он сломал се-

бе пару ребер. Вторую, в которой Эммон сжимал окровавленный кинжал, он наставил на тварь. Волк хрипло, с при-
свистом дышал. Зубы блестели в неизменных сумерках.

Женщина, сотканная из леса и тени, почти нежно отвела лезвие в сторону, осмотрительно коснувшись не запятнанной кровью Эммона части клинка. Кончики ее пальцев поросли мхом.

– И оставаться собой становится все труднее и труднее, так ведь? Магия затопляет тебя, и ты вскрываешь себе вены. Но сдерживать это вечно – на такое ни у кого не хватит крови. Не хватит крови, чтобы держать границы Тенеземья закрытыми, чтобы по-прежнему удержать внутри всех, кто там находится.

Существо перевело взгляд на Рэд. Грязь, как слезы, стекала по покрытым мхом щекам.

– Это закончится корнями и костями. Для всех вас. Это всегда заканчивается корнями и костями.

Призрак женщины изменился. Она рухнула на землю, оплетавшие тело корни и земля осыпались с нее. Теперь перед ними лежало просто мертвое тело, тело молодой женщины.

Рэд потребовалось лишь мгновение, чтобы узнать ее. Она видела ее портрет в одной из книг дворцовой библиотеки.

Мерра.

Еще миг – и живот Мерры взорвался с утробным звуком, от которого Рэд чуть не стошнило. Из кровавой дыры хлыну-

ли наружу корни вперемешку со внутренностями. Труп с полувскриком-полустоном снова поднялся на ноги, протягивая руки к Эммону в почти умоляющем жесте. Кожа Мерры превратилась в гнилую кору, пальцы, словно наспех слепленные из каких попало костей, покрывал мох. Это вывело Эммона из оцепенения. Он скривился и прыгнул на труп, ударив его не кинжалом, а окровавленной рукой. Тварь, украшая тело Мерры, рассмеялась, но голос ее становился все тише, и вот существо рассыпалось в прах. Эммон развернулся и бросился к дереву, перепрыгивая затопленные гнилью участки почвы по корням, как перепрыгивают по камням бурный поток. На ходу он снова вспорол себе ладонь. Поверженная, но не уничтоженная тварь начала собирать себя заново – пока разрыв не был закрыт, силы Тенеземья продолжали подпитывать ее. Очертания лица Мерры исчезли, кости, листья и земля снова забурили, меняя форму. Замелькали лица – разные, они то проступали в зелено-черном месиве, то пропадали, сменяясь другими. Женское, изящное и красивое до такой степени, что это вгоняло в дрожь; узкое, твердое, с чувственными губами; женщина с такими же, как у Эммона, глазами цвета янтаря; мужчина с такой же тяжелой челюстью. Существо повернулось к Эммону, чтобы тот видел эти лица.

– Почему ты не оставишь эти бесплодные попытки? В твоих костях – лес, у тебя под ногами – кладбище. Героев здесь нет.

Эммон зарычал, оскалившись. Кровь текла по его ладо-

ни – слишком темная, с зелеными разводами кровь. Такая же, как в библиотеке, когда он исцелил рану Рэд. Волк с размаха хлопнул ладонью к стволу дерева, прижал так плотно, что кровь просочилась между пальцами и потекла по его костяшкам. Дерево ушло в прогнившую землю почти наполовину, ветви царапали макушку Эммона. Гниль медленно стекала вниз по стволу, к корням, а из корней – обратно в землю, словно пятась от крови Волка. По мере исчезновения гнили дерево перестало проваливаться в нее, начало потихоньку выныривать из ямы, потянулось обратно вверх. Эммон стоял, прижав руку к стволу, а кровь все текла и текла. Глаза его начали закрываться, колени подогнулись.

Тварь задрожала, как туман под лучами солнца. Чем больше наливалось жизнью дерево, тем бледнее и прозрачнее становилась она. Черты лиц размазались; осталась лишь зелень и тьма.

– Ты знаешь, что происходит с героями, Волчонок?

Тварь больше не пыталась прикидываться человеком; это был осколок тьмы, набитый костями и обломками ветвей.

– Они умирают.

Тварь бросилась на Эммона. Он открыл глаза, развернулся и ударил ее окровавленной ладонью. Тварь осела рыхлой кучей грязи. Эммон, из последних сил стиснув челюсти, продолжал прижимать к ней руку по мере того, как она опадала. Гниль, растекавшаяся по земле, исчезала – а за спиной Волка белое дерево все быстрее устремлялось ввысь, исцеляясь.

Наконец тварь исчезла в земле. Рука Эммона теперь лежала на толстом слое опавших листьев и веток. Он отнял руку от с таким трудом закрытого разрыва. Ладонь его больше не кровоточила.

Не вставая с колен, Эммон поднял взгляд и в упор посмотрел на Рэд. Одно очень долгое мгновение они смотрели друг на друга. Пропасть пролегла между ними, и ни один не мог найти слов, чтобы перебросить через нее спасительный мостик.

Шатаясь, Эммон поднялся, обошел Рэд и двинулся в лес.

С открытым ртом девушка смотрела на исцеленное Волком дерево. Гниль ушла, кровь Эммона изгнала ее. Рэдглянула на корни, торчащие из земли. Ей показалось, что тонкие темные нити снова ползут вверх по светлой коре. Тенеземье. Оно снова пыталось прорваться.

Она развернулась и последовала за Волком во мрак. Эммон молчал, и ледяная тишина между ними становилась все холоднее. Рэд опять накинула сюртук Волка, окунулась в запахи книг, кофе и листьев.

– Кто это был?

– Тень. Разрыв стал достаточно большим, чтобы она смогла проскользнуть в него. Еще минут десять – и это страждерево, превратившись в юную тень, явилось бы в Крепость. И вот тогда, чтобы загнать ее обратно, туда, где она должна находиться, потребовалось бы гораздо больше крови. Исцелить их до того, как они начнут двигаться, намного проще –

если успеешь перехватить их именно в этот момент.

Волк старался заболтать девушку, уйти от ответа, надеясь, что она забудет свой вопрос под лавиной ответов на те, которые не задавала.

– Ты знаешь, о чем я спросила. – Рэд на ходу подобрала полу сюртука. – Я узнала Мерру. А остальные? Кто это был?

Волк молчал так долго, что Рэд уже почти решила – ответа на этот вопрос она не получит. Когда он наконец заговорил, то голос его звучал очень четко и бесстрастно:

– Кальденора. Потом там был лик Сайеты. Гайи. И Киарана.

Парад мертвецов. Рэд закусила губу.

– Вторые Дочери и... и Гайя... Диколесье высосало их?

Он коротко кивнул в ответ.

– А почему Киаран?

Рэд решила, что лучшим в этой сложной ситуации будет говорить не «твой отец», «твоя мать», а так же, как и сам Эммон, называть их по именам.

Волк отвел с их пути ветку таким резким движением, что чуть сломал ее.

– Диколесье осушило и его.

Из тумана вынырнули очертания ворот. Когда в них раскрылся проход, Эммон стиснул решетку руками, едва не навалился на нее всем телом. Проход уже был открыт, но Волк на мгновение замер, словно собираясь с силами для того, чтобы сделать шаг. «Кровью это дерево сегодня уже полива-

ли-переполивали», — сказал он, когда они увидели разрыв. Но ему пришлось еще раз полить-переполить его своей кровью, и двигался он теперь с большим трудом.

Когда проход в воротах за ними закрылся и они оказались в безопасности, Эммон повернулся к Рэд. В глазах его плясал странный огонек.

— Когда мы были там, — осторожно произнес он. — Когда Диколесье... пришло за тобой. Как ты остановила его?

— Так же, как я останавливаю его последние четыре года.

Рэд хотела, чтобы это прозвучало как упрек, но ее голос в холодном воздухе прозвучал тонко и почти жалобно. Избегая взгляда Эммона, девушка уставилась на прореху, оставленную каким-то шипом в рукаве его сюртука.

— Диколесье запустило в тебя свои корни. Я опоздал, — непонятым тоном сказал Эммон, то ли признаваясь в своей ошибке, то ли обвиняя ее в чем-то. — Ему бы хватило сил — с лихвой! — чтобы высосать тебя в мгновение ока. Но этого не произошло. Потому что ты его остановила. Тебе придется рассказать мне об этом поподробнее, Рэдарис.

— Да что там рассказывать! Когда мне исполнилось шестнадцать, мы пришли сюда. Я порезала руку и облила тут кровью половину леса. Вот тогда я и получила это... эту штуку внутри. Какой-то осколок силы, который мне не предназначался, что ли. Нечто, что заставляет деревья, цветы и другие растения вокруг меня вести себя странно. Иногда у меня получается сдерживать это, иногда нет, и когда нет, случаются

всякие неприятности!

– Цветы, деревья и другие растения. То, у чего есть корни, – низким, отстраненным голосом человека, производящего сложный расчет, произнес Эммон. – То, что находится во власти Диколесья – или может находиться.

Бледное лицо его застыло от напряжения, морщины прорезали его лоб. Он задумчиво потер подбородок и посмотрел на Рэд.

– Когда ты сегодня вошла в лес – утром, в первый раз, – четко, но очень быстро, словно нанизывая бусины ожерелья, произнес Эммон. – Тогда, ты говоришь, тебе в щеку впился тот шип. Ты имела в виду, что...

– Я перешла границу. Потом обнаружила себя лежащей в грязи. Я не знаю, не помню, что делала, но да, это точно было как-то связано с той силой, о которой мы говорим.

Вспомнив те ужасные моменты, когда тело как будто ей и не принадлежало, Рэд вздрогнула.

– Но что бы она ни пыталась сделать со мной, я этого не позволила. Я не дала магии вырваться наружу, я сдержала ее, и все прекратилось. То же самое я сделала и в этот раз. Удержала ее внутри.

В глазах Эммона тихо засветилась непонятная печаль.

– Я не понимаю, – пробормотал он. – Я думал...

– Ты не понимаешь? Я видела тебя в ту ночь, когда это произошло! Ты – часть того, что тогда случилось! Я видела твои руки, когда магия ворвалось в меня, и сразу после этого

все прекратилось!

При этих ее словах его лицо изменилось. Расслабились вечно сжатые челюсти, из глаз исчезло затравленное выражение.

– Все прекратилось.

Эммон выглядел как человек, наконец-то нащупавший твердую почву под ногами. Его постоянно сгорбленные плечи распрямились, в каждой черте лица читалось облегчение.

– Я прекратил это. Не дал этому произойти.

– *Что* ты остановил? *Чему* не дал произойти?

Эммон не ответил, глядя в пол. Глубоко вздохнул.

– Я не смог полностью уберечь тебя от этого. Но самое опасное остановил. Не дал ему...

Эммон замолчал, провел рукой по лицу – на скуле осталась широкая красно-зеленая полоса.

– В этот раз все могло быть по-другому.

– О чем ты говоришь? – процедила Рэд сквозь стиснутые зубы.

– Твоя сила. Она – часть силы Диколесья. И вот этот осколок магии поселился в тебе.

– Об этом я уже как-то догадалась.

– Я понимаю твоё желание сдержать её. Вытолкнуть её из себя. Но если бы ты научилась пользоваться этой силой, возможно, Диколесье перестало бы пытаться забрать у тебя... кое-что другое.

Жесткой надеждой в его голосе можно было резать как

ножом.

– Может быть, этого хватит. Если ты просто научишься пользоваться тем, что уже имеешь.

– Я не понимаю. Диколесье хочет что-то забрать у меня? – В горле образовался огромный ком, и Рэд сглотнула. – Ему мало того, что оно *уже* взяло?

– Об этом не думай. – Эммон совсем успокоился, голос его звучал ровно. Рэд почти начинала верить ему. – Сейчас тебе нужно полностью сосредоточиться на обуздании магии, которой одарило тебя Диколесье. Подчинить ее себе – вот твоя задача.

– Я не могу. – Рэд рассмеялась; клуб пара вырвался из ее рта и растаял в сумерках. – У тебя, может, и получается. У меня – нет.

– Если у тебя получается удерживать силу внутри себя, получится и заставить ее повиноваться твоей воле. – Волк снова задумчиво потер подбородок. – Я уточню тут кое-что...

– Уточнишь? То есть ты даже не знаешь, как это работает? Но ты же сам...

– Это другое. Ты – другая. Остальные... они тоже были связаны с Диколесьем, но другим способом.

И снова эта надежда в его голосе, такая невыносимая, что ее было больно слышать.

– Твоя сила сможет удержать Тени. Может быть.

Она отличалась от остальных Вторых Дочерей – тех, кого

Диколесье пожрало до нее. Наверное, это должно было ее ободрить. Но перед глазами Рэд мелькали ветки, кровь, Нив, рухнувшая как подкошенная, несмываемый привкус грязи во рту... Это произошло четыре года назад, но для нее это все случилось словно вчера.

Девушка покачала головой.

– Эта сила опасна, – пробормотала она. – Ее нельзя приручить.

– У нас нет особого выбора. – Эммон наконец посмотрел прямо на нее поверх своего причудливого носа – его ломали минимум два раза. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь тебя от Диколесья, Рэдарис. Но тебе придется помочь мне. Одному мне не справиться. Я пробовал.

В голове Рэд снова зазвучал жуткий голос, в котором не было ничего человеческого: *«Но сдерживать это вечно – на такое ни у кого не хватит крови»*.

Они стояли в наполненном тишиной двореке под лишенным звезд небом, и Эммон не сводил с нее глаз. Рэд с усилием оторвала от него взгляд. Он излучал боль, такую острую, что Рэд не могла ее вынести – и не могла найти слов, чтобы облегчить ее. Рэд подумала, что и Эммон, видимо, тоже не может подобрать верных слов.

Волк двинулся к Крепости. Девушка молча последовала за ним.

У дверей Эммон остановился. Лицо его было бесстрастно, но тихое сияние надежды в глазах еще не угасло полностью.

– Теперь ты удовлетворена? – Покрытые шрамами руки чуть дернулись. – То, что я сегодня делал, может послужить остаточным основанием, чтобы доверять мне?

Рэд кивнула.

Волк поднялся по каменной лестнице. Мох и ветки позади распрямились, скрывая его от глаз. Уничтожая проход, который он только что сделал сквозь них.

Интерлюдия II

Валлейда

Книги на месте не оказалось.

Нив нахмурилась, глядя на карточку в руке – там было указано имя автора и номер полки. Она искала сборник стихов. Его написал купец, зарифмовав таким образом все причуды навигации по рекам Сиани. Не самая популярная тема. В любом случае выносить книги из библиотеки было запрещено. Хотя Рэд все время это делала...

Нив оборвала эту мысль. Живот скрутило внезапной судорогой, она прижала к нему руку. О Короли, она должна прекратить это – думать о Рэд так, как будто та все еще здесь. Минул всего день, но каждый час, проведенный без сестры, был что острый кинжал, проворачиваемый в ране. Глаза Нив жгло от невыплаканных слез.

– Может, сегодня мы не пойдем к почтенному мастеру Маттеусу?

Раффи за ее спиной развернул стул, с которого Нив только что встала, сел на него верхом и сложил мускулистые руки на покрытой резьбой спинке.

– Может, вместо этого мы займемся... чем-нибудь другим?

Если бы это был кто-нибудь кроме Раффи, Нив рявкнула

бы, чтобы ее оставили в покое. Вместо этого она наполовину измученно, наполовину искренне ухмыльнулась. После своего ночного набега на Святилище ей толком так и не удалось поспать.

– Я полагаю, под «не пойдем» ты подразумеваешь «прогуляем его лекцию о климатических особенностях юга и их влиянии на импорт»?

Валлейда находилась в самой северной части континента. Выхода к морю страна не имела, огражденная Диколесьем на севере и Альперанскими Пустошами на востоке. На западе путь к побережью преграждала Флориана. Таким образом, внешняя торговля была сопряжена с большими трудностями. Именно поэтому из Валлейды выходили самые предприимчивые торговцы. Они были готовы к любым сложностям, с которыми можно столкнуться, потому что, ведя торговлю из Валлейды, неизбежно сталкиваешься с каждой из них.

Единственным, на что могла опираться Валлейда при ведении торговых переговоров, была религия и ее исключительное географическое положение – а конкретно что она граничила с Диколесьем и приносила в жертву Вторую Дочь, которая защищала весь мир от нашествия чудовищ. Именно это склоняло большинство стран назначать более-менее честную цену на свои товары. Никому не хотелось вызвать гнев Королей, наживаясь на торговле со страной, которая в один прекрасный день могла совершить ритуал по их освобождению – в конце концов успешный. Или же жрицы могли

не вознести как положено заранее оплаченные в Святилище молитвы, а наспех пробормотать их.

Однако призрак неурожая и последующего голода всегда висел над страной. В особенности – в этом году, когда перевалы, связывающие Валлейду с Медусией и Альперой, закрылись так рано. Смысл брака Нив с Ариком заключался именно в этом – если бы Флориана стала одной из провинций Валлейды, страна получила бы наконец прямой выход к побережью и морским торговым путям.

У Нив уже не осталось сил даже на то, чтобы ухмыляться. – Да, именно об этом я и говорю, – согласился Раффи. – Я чувствую, что сейчас не смогу выдавить из себя ни капли интереса к внешней торговле.

Его длинные тонкие пальцы в луче падающего из окна золотистого, уже почти вечернего света солнца выглядели особенно красивыми.

Нив стиснула зубы. Слишком много времени она посвящала любованию руками Раффи.

– Сейчас лето, – продолжил он. – Ну или то, что здесь так называют. Дело моего отца не рухнет, если я прогуляю одну страстную речь о сложностях торговли. А даже если и рухнет... пусть. – Раффи пожал плечами. – Не то чтобы я принимал это близко к сердцу.

Нив рухнула в кресло, стоявшее напротив него.

– А что, если бы тебе вообще не надо было принимать торговые дела близко к сердцу? – Она разорвала смятый листо-

чек со списком источников к сегодняшней лекции на мелкие клочки. – Если бы тебе не нужно было поддерживать торговый дом твоего отца, не нужно было изучать маршруты торговых караванов? Если бы ты мог заняться, чем хочешь, что бы это было?

Улыбка Раффи из игривой превратилась в задумчивую.

– Сложный вопрос.

Он глянул на руки принцессы, которые она положила на стол.

Нив ощутила, как жаркая кровь приливает к ее щекам. Ее влекло к Раффи, она не могла этого отрицать – но, как ей казалось, перед этой красотой сказочного принца, обаянием и добротой никто не мог устоять. Но между ними ничего не могло быть. Она была помолвлена, и рассуждать тут было не о чем. Тем не менее это не мешало Нив желать его и испытывать простую радость, зная, что чувство это взаимно.

Раффи положил подбородок на руки. Перевел взгляд с ее рук на лицо. В темных глазах вспыхнуло любопытство.

– А ты? Если бы ты могла отправиться куда угодно, что это было бы за место?

– Я бы отправилась искать сестру, – мгновенно ответила Нив.

Теплота во взгляде Раффи сменилась невыразимой болью. Глубокая складка залегла между его бровями. Он тяжело вздохнул и произнес:

– Ты сделала для нее все, что могла, Нив.

Да. Все, что могла. Но этого было мало.

– Это не твоя вина.

Но тогда чья же? Судьба бросила кости, и Нив родилась первой. Все это было несправедливо и неправильно. Она изо всех сил пыталась изменить это – но должна была стараться еще лучше. Она должна была что-то предпринять. Не только умолять Рэд бежать – ведь давно было понятно, что на это сестра не пойдет.

Раффи протянул руку, на мгновение задержав ладонь над ее, а затем его пальцы легли на запястье Нив. Они были теплыми – и этого тепла могло хватить, чтобы вернуть ее из тех холодных глубин, где она укрылась и в которых могла оставаться немой и отстраненной. Из глубин, где Нив теперь проводила почти все время. Немота и чувство опустошения были лучше, чем грубая боль.

– Ты должна перестать винить себя, Нив. Она сделала выбор. Самое меньшее, что можем сделать мы, – это уважать его. – Раффи запнулся, сглотнул. – И почтить ее память.

Память. Слово вонзилось как нож.

– Но Рэд не умерла, Раффи.

Нив думала о том, что ей сказала рыжеволосая жрица в Святилище. О том, что произошло с Рэд, когда та вошла в Диколесье. Прикованная к лесу, пронизанная его корнями. Этот образ беспрестанно крутился в голове Нив, о чем бы она ни думала и чем бы ни занималась. Ее сестра, оплетенная лозами. Кормящая своей кровью хищный лес.

Но живая.

Разве в глубине души она не знала это изначально? Если бы Рэд погибла, Нив сразу почувствовала бы это. Возникло бы чувство некой пустоты, отсутствия чего-то... как если бы Нив лишилась руки. Но Нив все еще ощущала себя до ужаса цельной.

Раффи не стал с ней спорить, хотя по глазам его было видно, что он ни на мгновение не верит в то, что Рэд еще жива. При одной мысли о том, чтобы объяснить ему, что она имеет в виду, облечь мысль в слова, Нив почувствовала страшную усталость.

Вместо этого девушка испустила глубокий вздох, тщательно следя за тем, чтобы он не перешел в компульсивную дрожь.

– Сады, – с улыбкой предложила она. – Вот куда можно пойти. Не то чтобы очень интересное место, конечно.

– Да все лучше, чем сидеть на лекциях. – Раффи встал, галантно подал ей руку. – Арик пойдет с нами?

Он старался произнести это как можно непринужденнее, но от Нив не укрылось легкое беспокойство в его голосе. Ее улыбка растаяла.

– Нет. – Она взяла его под руку. – Честно говоря, я понятия не имею, где он.

Нив не видела Арика с тех пор, как они вернулись из Диколесья. Тогда они сидели втроем в черной повозке, разделенные глубоким молчанием и потерянные сами в себе.

Принцесса вспомнила, о чем думала тогда, — это было единственным светлым пятном в ее жизни за весь тот день. Да что там, за весь этот год. Если они должны были потерять Рэд, то хотя бы в этой потере они были вместе. И вместе могли бы найти способ пережить это.

Но затем Арик куда-то скрылся, предпочтя зализывать свои раны в одиночестве.

Раффи вздохнул:

— Я — тоже.

Девушка сжала его руку в молчаливом утешении, и они вышли из библиотеки в залитый солнцем холл.

Нив сама не понимала, почему предложила пойти в сады. Они с рыжей жрицей устранили все следы произведенного принцессой погрома, и жрица твердо пообещала Нив, что никто ничего не заметит. Тем не менее, вероятно, для Нив было бы лучше не появляться в Святилище — по крайней мере, ближайшие несколько дней.

Но ее тянуло в сады — так хочется ощупывать место ушиба, причиняя себе боль и выясняя, насколько велика она будет.

Повернув за угол, Нив и Раффи столкнулись с процессией жриц Ордена. Они, все в традиционных белых одеждах, как раз выходили из стеклянных двойных дверей, ведущих в сады. Их стало заметно меньше. После всенощной, когда стало ясно, что Короли не вернутся и на этот раз, жрицы, которые прибыли поприисутствовать на принесении Рэд в жерт-

ву, отправились обратно в свои, менее почитаемые Храмы. Утром, лишь только рассвело – солнце едва начинало алеть на горизонте, – когда Нив вынырнула из мучительного забытья, которое и сном-то назвать было нельзя, она видела, как приезжие жрицы покидали Святилище с огарками алых свечей в руках.

Служба прекращалась с рассветом. Сейчас было уже далеко за полдень. Но у жриц, шедших навстречу Раффи и Нив, под глазами чернели темные круги, как у людей, только что закончивших долгое утомительное богослужение. Было их немного, человек двадцать, и шли они колонной по двое. Возглавляла процессию высокая худощавая женщина с темно-рыжими волосами.

Нив узнала ее – это вместе с ней они прибирались в Святилище сегодня ночью. Разве что свое странное ожерелье из обломков священных деревьев она, похоже, сняла. Некоторые жрицы в процессии показались принцессе незнакомыми. Должно быть, они тоже служили в отдаленных Храмах, но остались, когда большая часть их сестер предпочла уже уехать. В груди Нив заворчалось смутное беспокойство.

Рыжая жрица скользнула по ней взглядом, но даже если и узнала Первую Дочь, то вида не подала. Вместо этого она повернулась и заговорила с одной из сестер позади – слишком тихо, чтобы Нив могла разобрать слова. Дальше пути их расходились – им с Раффи предстояло двинуться по другому сплетенному из ветвей коридору.

Нив незаметно вздохнула от облегчения, хотя причины его не вполне понимала. Глядя вслед рыжеволосой жрице, она нахмурилась. В том коридоре, из которого появились жрицы, имелся только один другой выход – дверь в сад. Процессия все еще двигалась мимо нее. Не думая, Нив схватила ближайшую жрицу за руку, да так крепко, что вполне мог остаться синяк.

– Нив! – шепотом окликнул ее Раффи.

– Ваше высочество?

– Что вы там делали? – Сегодня Нив было не до обмена любезностями. – Всенощное бдение давно окончено. Еще утром стало ясно, что Короли сегодня не вернутся.

Подобное заявление было опасно близко к богохульству, но жрица вновь отреагировала на него только тем, что глаза ее расширились чуть больше.

– Да, официальные бдения окончены, – согласилась она. – Но некоторые из нас продолжили возносить молитвы.

– Зачем?! – прорычала Нив. – Зачем продолжать молиться тому, кто вас не слышит? Твои боги не вернутся.

Теперь это было откровенное святотатство, но Нив было наплевать, хотя она чувствовала, что Раффи позади нее застыл на месте от подобных слов.

Жрица мягко улыбнулась, как будто Первая Дочь Валлейды не смотрела на нее так, словно готова вцепиться ей в горло.

– Мы не можем знать точно. Диколесье крепко держит

их, — пояснила жрица. — Они могут нуждаться в помощи для того, чтобы вырваться из его объятий.

«Лес силен лишь настолько, насколько мы позволяем ему это», — всплыло в голове. Рыжая жрица сказала это Нив. Или это были обрывки сна?

Принцесса смутилась. Растеряв весь запал, она разжала пальцы, которые все еще впивались в руку жрицы. Та невозмутимо кивнула Первой Дочери, остальные повторили ее жест, и процессия двинулась дальше, покинув сады.

Раффи нервно потер губы.

— Ничего хорошего из этого не выйдет. Она расскажет Верховной жрице...

— Не расскажет.

Нив была уверена в этом — так же как и в том, что рыжеволосая жрица никому и словом не обмолвится о погроме, который Первая Дочь устроила в Святилище. Что-то в ее странном ожерелье, в том, как жрица говорила о Диколесье — как о враге, а не о святыне, — укрепило Нив в мысли, что Зофия никогда не услышит обо всем происшедшем и полслова.

Раффи искоса посмотрел на Нив, но промолчал.

Девушка мягко высвободила свои пальцы из его руки и пошла к дверям в сад. Она не обернулась, чтобы проверить, пойдет ли Раффи за ней, но слышала за спиной его шаги и как он закрыл двери у нее за спиной.

Раффи глубоко вздохнул и взъерошил ежик своих волос.

— Послушай. Я знаю, что ты очень расстроена...

Нив повернулась, вздернув подбородок.

– Они принесли ее в жертву.

Раффи стоял прямо за ней, ближе, чем она думала. Его полные губы оказались всего в нескольких дюймах от ее лица. Нив резко выдохнула.

– Просто так! Ни за чем! В этом не было никакого смысла!

Раффи ответил осторожно, но твердо:

– Хотя Короли и не вернулись, какой-то смысл в этом мог быть. – В его бархатистом мягком голосе звучал металл. – Те чудовища, которые терзали наши земли до того, как Кальденора...

– Дерьмо это все собачье! Раффи, если бы в лесу жили чудовища, мы бы видели их в ту ночь!

В какую «ту ночь», он знал не хуже ее. Ночь камней и огня – и Диколесья, оказавшегося нечувствительным ни к тому, ни к другому. Ночь разбойников, которые увязались за сестрами и погибли самым жестоким – и непонятным – образом. Нив толком и не знала, что произошло после появления разбойников. Кто-то из них ударил Первую Дочь рукоятью кинжала в висок, и Нив потеряла сознание. Очнулась она, когда все уже было позади и сестры были в столице, под надежной защитой.

Но Рэд сознания не теряла и помнила все, что тогда произошло. И думала, что это ее вина.

Ледяной укол вины пронзил Нив насквозь. Вины – и холодной уверенности. Что бы там ни произошло, пока Нив

валялась без сознания, — именно из-за этого Рэд отправилась в Диколесье, несмотря на все уговоры сестры.

— В этом не было никакого смысла, — мягко повторила она. На этот раз Раффи не ответил.

Нив пошла по тропинке, бездумно ведя рукой по цветущей живой изгороди. Края жестких листьев кололи пальцы, и Нив даже порезалась об один из них — на кончике пальца выступила крохотная капелька крови.

Раффи у нее за спиной вздохнул, а затем раздались шаги — он покинул сад.

Нив повернулась лицом к солнцу и закрыла глаза. Теперь она видела алые прожилки на внутренней стороне своих век. Весь мир находился за этой алой, подсвеченной лучами нежного, каким оно бывает только в начале лета, солнца.

В беседке рядом с ней, за стеной буйно распустившихся цветов, кто-то спросил:

— Может, получится как-то попроще? С помощью какого-нибудь договора?

Голос у говорившего был таким хриплым, как будто его обладатель уже неделю не спал. И было в нем что-то знакомое, но человек говорил слишком тихо, чтобы Нив смогла узнать его. Разговор явно не предназначался для чужих ушей, но Нив не двинулась с места.

— Не получится.

Второй голос был резким. Его Нив уже тоже где-то слышала. Его обладательница выговаривала гласные твердо и уве-

ренно.

– Все в Диколесье искажено. Его сила убывает на глазах. Обрезками ногтей и зубами его больше не удовлетворишь. Даже кровь оно не принимает – разве что свежую, хлещущую из раны, – со значением продолжал второй голос, словно бы подразумевая что-то, известное собеседнику, но о чем не стоит упоминать вслух.

И Нив узнала эту манеру разговора – никому, кроме рыжеволосой жрицы, она принадлежать не могла.

– Также, – продолжала за зеленой цветущей стеной жрица, – Диколесье перестанет принимать в качестве жертв трупы. Оно будет требовать все больше и больше – все, что у нас есть, и в итоге цена станет такой высокой, что мы не сможем ее заплатить. Хотя бы из-за последствий. Вот что мы поняли из наших молитв, когда обратились к нему в последний раз.

И после паузы добавила нараспев, словно цитируя священный гимн:

– Кровь, отданная в уплату по сделкам с тварями, что живут в глубине, – это та кровь, что может открывать двери.

Нив нахмурилась. Собеседник жрицы явно был не в состоянии разгадывать такие сложные загадки.

– Должен быть способ.

– Даже если так, мальчик мой, – промурлыкала жрица, – ты должен сразу понять – придется отдавать, и отдавать, и отдавать.

Помолчав, рыжая жрица добавила:

– Короли требуют многого – но и щедро одаряют в ответ. Служение им открывает широкие возможности. Уж я-то это знаю.

Зашуршала одежда – кто-то в беседке поднялся со скамьи.

Нив выругалась под нос и резко развернулась, изо всех сил стараясь выглядеть так, словно она погружена в созерцание клумбы на другой стороне дорожки.

Краем глаза девушка заметила белую вспышку – жрица в своем привычном одеянии вышла из беседки.

– Обращайтесь ко мне, если у вас возникнут еще какие-нибудь вопросы, – произнесла она. – Молитвы, которые мы возносили сегодня утром, после того как наши менее ревностные сестры покинули нас, открыли нам многое.

Из беседки появился юноша – усталый и растрепанный. Нив взялась было за пышный желтый цветок, да так и застыла.

– Обязательно обращусь. Спасибо, Кири.

Это был Арик.

Рыжая жрица – Кири, теперь Нив наконец-то знала, как ее зовут, – бросила взгляд на Первую Дочь, холодно улыбнулась, кивнула и двинулась по дорожке к замку.

Если Арик и удивился, увидев Нив здесь, то вида не подал. Лишь пригладил свои взъерошенные волосы – вид у них был такой, словно он последний раз причесывался неделю назад.

– Нив.

– Арик. – И после секундного, но он очень тяжелого мол-

чания Первая Дочь добавила: — Мы волновались за вас.

И было отчего. Арик был бледен, лицо его осунулось, под зелеными глазами залегли темные круги. Кивком указав на усыпанные цветами деревья, он скрылся в густой поросли.

Нив огляделась, прежде чем нырнуть под ветки вслед за ним. Она понимала, что это смешно — опасаться, что их застанут вместе. Арик, в конце концов, был ее женихом, будущим принцем-консортом. Тем, благодаря кому Валлейда получит наконец выход к морским путям через Флориану.

Тупая боль забилась в висках.

Нив раздвинула розовые цветы и обнаружила Арика. Тот уже расположился на скамейке под беседкой. На фоне ярких цветов он казался особенно измученным.

Арик молчал. Нив села рядом с ним. Скамейка была такой короткой, что, как она ни старалась избежать этого, ее бедро прижалось к его бедру.

Они были хорошими друзьями до того, как им исполнилось шестнадцать и помолвка была заключена, да и после помолвки — тоже, пока Рэд была здесь и отделяла их от неизбежного будущего. Но теперь Нив не знала, как ей себя держать с Ариком.

Она поерзала на скамейке.

— Как ты?

— Не очень.

— Я тоже.

Тишина опутала их. Все слова, что она могла произнести,

казались Нив неуместными. Их объединяло лишь горе – ни беседу, ни жизнь на этом не построишь.

– Я пытался.

Арик наклонился вперед, запустив обе руки в свои и без того уже растрепанные волосы.

– В ночь бала я пытался уговорить ее бежать.

– Мы все пытались. Это былдохлый номер с самого начала.

– Должен быть способ вернуть ее.

Нив закусила губу. Разговор, который она только что подслушала, снова всплыл в ее голове. Она подумала о собеседнице Арика. О погроме в Святилище и ожерелье из обломков священного дерева.

– Арик, – сказала она осторожно, – смотри не наделай глупостей. Я этого не хочу.

– Больших глупостей, чем отправиться в Диколесье и бросаться там в деревья камнями? – в его голосе была некая тень былой легкомысленности.

Нив улыбнулась, услышав это далекое эхо привычного Арика, прежнего Арика.

– Ну ты нашел кого спросить.

«Во всех смыслах», – подумала она.

Арик сгорбился, от мгновенного проблеска легкомысленности не осталось и следа.

– Я найду способ вернуть ее домой.

Нив искоса взглянула на него. Она знала, что Арик лю-

бит Рэд. А еще знала, что сама Рэд его не любит и никогда не любила. Разумеется, Арик нравился сестре. Но она знала, что судьба ведет ее в темный лес, и не хотела разрушать еще чью-нибудь жизнь. Арик испытывал к Рэд более глубокие чувства, но Нив казалось, что он все понимает. Нив знала, что Арик будет очень опечален, но ожидала, что это быстро пройдет. Однако он оказался стоек в своей скорби.

Словно прочитав ее мысли, Арик сказал:

– Я знаю, ты думала, что я не буду сильно горевать.

– Я выгляжу такой жестокосердной? – пробормотала принцесса.

– Я имел в виду не это. Просто говорю, что... – Арик глубоко вздохнул. – Мне все легко давалось, Нив. В основном потому, что я ни за что не цеплялся. Я никогда ни за что не боролся, никогда не выбирал сложных путей. Я хотел жить легко. – На последнем слове он стиснул зубы так, что они закрипели. – Но я не могу это вот так оставить. Если есть что-то в жизни, за что стоит бороться, так это Рэд. И даже не потому, что я люблю ее. А просто потому... потому что так нельзя. Это неправильно. Она тоже имеет право жить!

Осколок надежды заворочался в груди Нив – маленькой, злой и мучительной надежды, надежды, что резала ее душу как бритва. Но она не знала, как выразить ее словами. Все так запуталось – она, Арик, Раффи, жрицы со странными ожерельями и сломанные белые деревья в комнате с выложенными камнем стенами.

Все, что Нив смогла сказать, вложив это слово всю ту надежду, что рвала ей душу, было:

– Хорошо.

Арик почти удивленно посмотрел на нее. Туго натянувшиеся на шее жилы расслабились. Нив только сейчас поняла, что он ожидал от нее чего-то вроде благословения.

– Меня некоторое время не будет, – сказал Арик. – Но ты ни о чем не волнуйся.

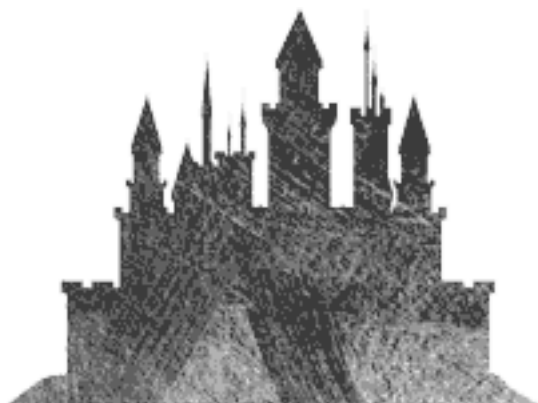
– Вернешься в Флориану?

Арик не ответил и поднялся. Потом подал ей руку. Все еще хмурясь, Нив приняла ее и позволила ему помочь ей подняться со скамейки. Арик посмотрел на принцессу в упор своими зелеными глазами, кривя губы. А затем быстро поцеловал в лоб.

– Я скоро вернусь, – прошептал он. – Я найду способ спасти ее, Нив.

Он выскользнул из цветущих деревьев, а Нив еще долго стояла под ветвями, и лоб покалывало в том месте, где его коснулись губы Арика. Смутное чувство вины сжимало горло девушки, словно она, сама не осознавая того, вынесла какой-то приговор.

Но Рэд была жива. И они должны были найти способ спасти ее.

Глава девятая

Рэд проснулась в неизменных сумерках, не дающих никакой возможности определить, сколько же времени она проспала. Голова болела, перед глазами все плыло. Сначала она даже не поняла, где находится. А когда вспомнила, голова разболелась еще сильнее.

Она села. Живот скрутило. После всего того, что произошло прошлой ночью, девушка просто забыла попросить, чтобы ее покормили. Теперь ее пустой желудок просто завывал.

Сюртук Эммона, заляпанный грязью и усеянный застрявшими в нем шипами, висел на крючке на двери. Рэд уставилась на него, закусив губу, затем воровато покосилась на лозы, оплетавшие окно снаружи. По крайней мере сейчас они не шевелились.

Ванну кто-то наполнил чистой, но по-прежнему холодной водой. Рэд быстро вымылась, надела платье – на этот раз темнотиннее – и замерла в центре комнаты, не зная, что делать дальше.

Перед ней лежала ее новая жизнь – длинная, мрачная, блеклая, как лес, которому она теперь принадлежала.

Нет. Рэд покачала головой. Оставшись в живых вопреки всем ожиданиям, она не могла впасть теперь в уныние. Эта новая жизнь могла быть странной, но она у нее была, и это само по себе казалось чудом.

Как Нив ни умоляла ее, Рэд не бросилась в бега – и все равно осталась в живых. И в какой-то мере была обязана этим своей сестре.

Живот вновь громко заурчал. Это отвлекло Рэд от странных сумерек, в которых она теперь жила и которые она никогда не рассчитывала увидеть.

– Еда, – заявила она самой себе.

Нахмурившись от решимости, Рэд распахнула дверь.

Поднос стоял на поросшем мохом полу сразу за порогом. На нем обнаружился почти обугленный тост, обильно намазанный маслом, и кружка черного кофе. И тот, и другой были еще горячими. Но кто бы ни принес их сюда, сам он давно ускользнул. В главном холле двигались только пылинки в тусклом солнечном луче. Листья в конце коридора не колыхались.

Рэд была слишком голодна, чтобы сейчас задаваться вопросами, откуда на ее пороге взялся завтрак. Она села на пол, привалилась спиной к покрытой мхом стене и тремя жадными укусами разделалась с тостом. Сгоревшая до угля корочка тоста показалась принцессе вкуснее, чем все изысканные яства, которые ей доводилось пробовать во время жизни в Валлейде. Кофе оказался крепким. Рэд принялась потягивать его мелкими глотками, размышляя, не вернется ли тот загадочный посланец, который приготовил ей завтрак. И кто же он? Скорее всего, это был кто-то из собеседников Эммона, чей разговор она подслушала вчера вечером. Ей бы-

ло трудно представить Волка у плиты.

Потом она заметила, что трещина в конце коридора теперь выглядит по-другому. Вчера там были только цветущие кусты, мох, обломки камней и корни. Теперь над этим всем возвышалось тонкое, прямое деревце. Макушка его почти упиралась в потолок.

Рэд вскочила. От резкого движения кофе плеснул через край и обжег ей пальцы. Деревце не шевелилось. Никаких признаков теневой гнили на его коре, как у пораженного дерева, с которым они боролись прошлой ночью, разлагающегося на глазах и окруженного полосой слишком мягкой земли, заметно не было. Как там Эммон говорил? Что-то про тяжело зараженное страж-дерево – так жители Крепости называли эти белые деревья. Оно могло покинуть свое место и появиться в Крепости, вот что.

Страж-дерево стояло тихо, тонкое и светлое, как призрак во мраке. Не там, где оно должно было расти. Но и непосредственной угрозы от него пока что не исходило. Но воспоминания о пастях, открывающихся в таких же белых стволах и набитых острыми зубами, были еще слишком свежи. Стиснув опустевшую чашку, Рэд попятилась к холлу, подальше от дерева, не сводя с него настороженного взгляда.

Шаги Рэд эхом отдались в пустом холле. Кроме пылинок, танцующих в луче сумеречного света, падавшего из расколотого купола, и Рэд, там никого не оказалось. В этот момент дверь на улицу начала открываться – кто-то отпирал ее сна-

ружи. Рэд присела, словно собираясь спрятаться под поросшим мхом, полуразложившимся ковром. Иссохшая дверь распахнулась окончательно. На пороге в полосе упавшего снаружи бледно-лилового света появился стройный женский силуэт с копной кудрявых волос. В руке женщина держала изогнутый кинжал. С лезвия что-то капало, скорее всего кровь и древесный сок.

Женщина остановилась. Сузились темные глаза на смуглом лице с тонкими чертами.

– Рэдарис?

Рэд узнала этот мелодичный голос. Эммон спорил с этой женщиной вчера вечером, и еще тогда было понятно, что этот голос принадлежит человеку. Рэд смутилась, выпрямилась, щеки ее зарделись.

– Я... э-э-э...

Она бестолково взмахнула руками и поняла, что уже полуприсела в реверансе. Выглядело это, должно быть, чертовски нелепо.

– Да. Это я.

Женщина фыркнула и улыбнулась уголком рта – вполне добродушно.

– Я так и подумала. Я – Лира.

Она вошла в холл. Дверь за ней закрылась. Лира вытащила из маленькой кожаной сумки у себя на поясе кусочек ткани и обтерла окровавленный край лезвия. Теперь, когда бьющий в глаза свет не ослеплял, стало заметно, что она и сама

вся в крови. Острый запах – меди и древесного сока – окутывал ее. Белая рубашка и темные брюки были полностью заляпаны кровью и соком, к одежде прилипли порченные теньями обрывки корней.

Рэд непроизвольно громко сглотнула.

– С вами все в порядке? О Короли, да как вы на ногах-то держитесь?

Лира несколько растерялась, а потом поняла, куда смотрит Рэд.

– Ах, это. Не стоит беспокойства. Только Эммон пускает себе кровь прямо на месте схватки. Он – Волк, его связь с Диколесьем очень сильна, и поэтому оно любит, чтобы его кровь была горячей, прямо из вены. К нам, остальным, оно не так требовательно.

Лира вытащила из кармана маленький пузырек, покачала им в воздухе. Темно-алая жидкость плеснулась внутри.

– Пришлось потратить сейчас минимум пять штук, – сказала она, как будто это все объясняло. – Сегодня теневых тварей много. Я вернулась пополнить запасы.

Она скривилась и направилась к разбитой арке и комнате, походившей на трюм затопленного корабля, в которую вела арка.

– И переоденусь заодно, – закончила Лира.

Смущение Рэд уступило место тревоге. Сдвинув брови, она последовала за Лирой.

– Это ваша кровь?

Лира пожала плечами:

– Разумеется. Ну или Файфа, может быть. Мы оба отмечены Знаком. Кровь любого из нас сработает в схватке с теневой тварью.

Она толкнула маленькую дверь в задней части комнаты, за которой обнаружилась крохотная кухня.

– Наша кровь может удержать юные теневые деревца на сутки или около того. Немного помогает пораженным гнилью страж-древам. Но разрыв ею не закроешь.

Вдоль дальней стены кухни тянулись деревянные шкафы очень древнего вида, рассохшиеся от времени. В углу обнаружилась небольшая печь и стол, который явно знал лучшие времена. Лира подошла к шкафу у плиты и открыла его. На полках внутри тянулись ряды пузырьков, наполненных кровью. Вся она была темно-красного цвета, без нитей зеленого, как у Эммона.

Рэд опустилась на один из стульев, стоявших у стола. Мысли сбились в клубок, и вытащить из них какую-нибудь одну внятную было сложно. Прошлой ночью, когда Волк дрался с тварью из веток и костей – о Короли, теневая тварь из легенд оказалась не вымыслом, – именно кровь Эммона в итоге прикончила чудовище. Также стало ясно, что кровь Лир и Файфа, кем бы он ни был (скорее всего, тот мужчина, с которым Эммон спорил вчера), тоже годится для борьбы с теневыми тварями.

Но когда Диколесье чуюло запах крови Рэд, оно напада-

ло на нее. Белые деревья превращались в ненасытных хищников. Что же было тому причиной? Почему деревья к ней так относились? Потому ли, что Рэд была Второй Дочерью, и что-то было в ее крови... в той Сделке, которую заключили люди с лесом давным-давно?

И кстати, откуда взялись Файф и Лира, кто они такие? В легендах не говорилось ни слова о том, что в Диколесье живет кто-то еще, кроме Волка.

– Вы говорите, у вас есть Знак? – обратилась Рэд к Лире, пока та запихивала в сумку позвякивающие пузырьки.

– Он есть у каждого, кто заключил Сделку с Диколесьем.

Лира отвлеклась от своих пузырьков и закатала рукав. Там, под кожей, в том же самом месте, где и у самой Рэд, обнаружился обрывок корня, свернувшийся в кольцо. Знак Лире был меньше, чем у Рэд, усики не расползались по руке так глубоко, но, несомненно, это был точно такой же Знак.

Лира опустила рукав.

– Крошечный кусочек Диколесья, вот что это. Поэтому моя кровь и кровь Файфа может усмирить тeneвых тварей – сила леса сводит на нет силу Тенеземья.

– И кровь Волка тоже?

– И кровь Волка, разумеется, – с печальным смешком ответила Лира.

Она взяла еще один пузырек, закрыла шкаф, пристегнула сумку к поясу и двинулась к двери.

– Хотя кусочек Диколесья в нем никогда нельзя было на-

звать крошечным.

Какой бы дикой ни выглядела идея наполнять пузырьки своей кровью, она давала облегчение и даже подбадривала. Эммон хотел, чтобы Рэд научилась использовать тот осколок магии, которым одарил ее лес. Судя по всему, он думал, что в таком случае девушка сможет управлять страж-деревами. Разумеется, это стало бы не единственным способом применения силы, которую предстояло обуздать Рэд. Она уже поняла, что здесь любая магия завязана на крови. Не давать деревьям почувствовать вкус своей крови было первым правилом этой магии. Но, возможно, кровь, пролитая не из раны, а из пузырька, окажет на деревья какое-то другое воздействие?

Рэд была готова наполнить своей кровью все пузырьки, какие у них тут есть, лишь бы не учиться использовать эту проклятую магию.

– Здесь ведь есть нож? – спросила она. – Ну или что-нибудь еще, чем бы я могла пустить себе кровь, чтобы слить ее в...

Лира была уже двери. Женщина резко повернулась. Ее темные глаза сузились.

– Нет. Я хочу сказать, я не... Я не... – Лира вздохнула. – У Эммона спросите. Он знает.

Она выправила рубашку из-под пояса и поморщилась.

– Мне действительно нужно переодеться. Увидимся.

Рэд, не вставая, проводила ее взглядом. Девушку снова охватило острое чувство ирреальности происходящего, бес-

связности его – и, как следствие, полная растерянность по поводу того, что же ей делать.

«Книги, – как свет маяка, вспыхнула мысль в ее мозгу. За нее можно было держаться. – Я принесла книги».

Жаль, что она оставила их в библиотеке. Рэд не знала, какой у Эммона распорядок дня. Неизменные сумерки не позволяли определить, какое сейчас время суток. Но предположение, что Эммона сейчас можно найти в библиотеке, казалось весьма разумным.

«Спросите у Эммона», – сказала Лира. Но Эммон наверняка снова скажет, что Рэд нужно научиться управляться с осколком магии внутри себя, заставить его повиноваться ее воле.

Рэд глубоко вздохнула и расправила плечи. Если Эммон задаст ей этот вопрос, она ответит, что еще не приняла решения. Она найдет свои книги, вернется к себе в комнату и погрузится в них с головой на несколько часов, прежде чем ей снова придется думать обо всем этом.

Светильники из несгорающих лоз по-прежнему наполняли библиотеку ровным светом своего пламени. Шкафы и стеллажи отбрасывали глубокие тени. Рэд закрыла за собой дверь, изо всех сил стараясь не шуметь. На стопке книг около двери по-прежнему стояла кружка – та же самая, но на этот раз пустая. Рэд задумчиво посмотрела на нее, вынула руки из карманов юбки и целеустремленно зашагала между стеллажами.

Самого Волка нигде не было видно, но тут и там Рэд наткнулась на следы его присутствия. Раскрытая книга на столе в ворохе бумаг и перьев. Стопка книг у стола, прячущаяся в резких тенях, отбрасываемых несгорающим светильником-щепкой. Рэд осторожно подкралась к столу. Эммон будет очень недоволен, если узнает, что она рылась в его записях. Но любопытство оказалось сильнее страха перед его гневом. Она глянула на исписанный листок. Записи на ней были чрезвычайно похожи на список покупок. «Хлеб» и «сыр» были нацарапаны другим, косым и неряшливым почерком. Некоторые позиции были уже зачеркнуты. «Спросить Ашейлу о ботинках», было написано в самом низу листа. Кто-то добавил – чернила еще не успели просохнуть – «и о новом сюртуке».

Рэд поморщилась и обратила свое внимание на лежащую рядом открытую книгу. Она была раскрыта на оглавлении. Заголовок отсутствовал, но названия некоторых разделов оказались знакомыми: «Великая чума», «Таксономия малых чудовищ», «Обряды древних». Рэд чуть было не поддалась искушению сесть и полистать книгу. Но вещи, оставленные Эммоном, ясно говорили, что он покидал библиотеку в спешке и, значит, мог вернуться в любой момент.

Рэд повернулась было к полкам, чтобы продолжить поиски, но тут заметила стопку книг у стола. Было в ней нечто невыразимо странное, форма книг казалась неправильной. Она шагнула к ним и тут же шарахнулась обратно.

«Легенды», книга, которую она вчера заляпала своей кровью, лежали сверху. И Диколесье уже наполовину поглотила ее. Тонкие извилистые усики проползли сквозь трещины в каменной стене, только чтобы добраться до пятна крови на обложке. Они пробились сквозь нее, сквозь страницы, пронзили книгу насквозь и опутали все остальные книги в стопке – так превращается в паутину корней земля в слишком тесном для растения горшке.

Рэд хрипло выругалась и попятилась. Но корни не шевелились, как если бы в этот момент были сыты. Сердце Рэд, застучавшее как сумасшедшее, медленно начало успокаиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.